

ОШО 100 миллионов читателей

Инту

Знание за предел

ОШО 100 миллионов читателей

ОШО 100 милл
чита

Осознанн

Ключ к жизни в равн

Сострадание

засцвет любви

ОШО 100 миллионов читателей

Близость

Доверие к себе и к другому

КЛЮЧИ
К НОВОЙ ЖИЗНИ

ОШО

КЛЮЧИ
К НОВОЙ ЖИ

ОШО

КЛЮЧИ
К НОВОЙ ЖИЗНИ

ОШО

БЛИЗОСТЬ. ИНТУИЦИЯ

СОСТРАДАНИЕ. ОСОЗНАННОСТЬ

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)
Близость. Сострадание.
Интуиция. Осознанность
Серия «Ключи к новой жизни»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69341215

Близость. Сострадание. Интуиция: ИГ «Весь»; Санкт-Петербург; 2023

ISBN 9785944326539

Аннотация

Сборник состоит из книг: Близость. Доверие к себе и к другому, Сострадание. Наивысший расцвет любви, Интуиция. Знание за пределами логики, Осознанность. Ключ к жизни в равновесии.

Содержание

Близость	5
Предисловие	5
В первую очередь первоочередное: азы близости	18
Начни оттуда, где ты находишься	18
Будь подлинным	31
Слушай самого себя	42
Будь собой	44
Близость с другими: следующие шаги	67
Будь увиденным	67
Необходимость в уединении	70
Бытие вместе, не связь	80
Рискни быть настоящим	84
Научись языку молчания	90
Четыре ловушки	93
Привычка реагировать	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Бхагаван Шри Раджниш
Близость. Сострадание.
Интуиция

*** * ***

Близость

Предисловие

Каждый боится близости – другое дело, осознаете вы это или нет. Близость означает: полностью показать себя незнакомцу – а все мы незнакомцы; никто никого не знает. Мы незнакомцы даже для самих себя, потому что не знаем, кто мы такие.

Близость приближает тебя к незнакомцу. Тебе придется отбросить все защиты; лишь тогда возможна близость. И страшно то, что если ты отбросишь все защиты, все маски, кто знает, что с тобой сделает незнакомец? Мы все прячемся за тысячей и одной вещью, и не только от других, но и от самих себя, потому что нас воспитало больное человечество, со всевозможными подавлениями, ограничениями, табу. И страх состоит в том, что с кем-то незнакомым... Неважно, прожил ли ты с этим человеком тридцать лет, сорок лет; «незнакомость» не исчезает никогда, – безопаснее кажется поддерживать некоторую защиту, некоторое расстояние, потому что кто-то может воспользоваться твоими слабостями, хрупкостью, уязвимостью.

Все боятся близости.

Проблема еще более осложняется, потому что каждый хо-

чет близости. Каждый хочет близости, потому что иначе ты одинок во Вселенной – без друга, без любимого, без кого-то, кому ты можешь доверять, без кого-то, кому ты можешь открыть все свои раны. А раны не могут исцелиться, если они не открыты. Чем более ты их прячешь, тем они становятся опаснее. Они могут превратиться в рак.

С одной стороны, близость это существенная потребность, поэтому все ее жаждут. Ты хочешь, чтобы другой человек был тебе близким, чтобы он отбросил все меры защиты, стал уязвимым, открыл все свои раны, отбросил все маски и ложную личность и предстал обнаженным, таким, какой он есть. С другой стороны, все боятся близости – ты хочешь близости с другим человеком, но не отбрасываешь *свои* меры защиты. Это один из конфликтов между друзьями, между влюбленными: никто не хочет отбросить свои меры защиты, и никто не хочет остаться в полной наготе и искренности, открытым – а обоим нужна близость.

Пока ты не отбросишь все свои подавления, ограничения – дары ваших религий, ваших культур, ваших обществ, ваших родителей, образования – ты никогда не сможешь ни с кем быть близким. И инициатором придется быть тебе.

Но если у тебя нет никаких подавлений, никаких ограничений, тогда нет и ран. Если ты живешь простой, естественной жизнью, нет никакого страха близости, есть огромная радость двух огней, горящих так близко, что они становятся одним огнем. И эта встреча очень благотворна и приносит

удовлетворенность, осуществленность. Но прежде чем попытаться достичь близости, тебе нужно полностью очистить свой дом.

Только человек медитации может позволить случиться близости. Ему нечего прятать. Он сам отбросил все то, что заставило бы его бояться, что об этом узнают другие. У него есть только молчание и любящее сердце.

Тебе придется принять себя всецело. Если ты не можешь принять себя всецело, как ты можешь ожидать, чтобы тебя принял кто-то другой? Тебя все осуждали, поэтому ты научился только одному: самоосуждению. Ты продолжаешь его прятать; это не что-то красивое, чтобы показывать другим. Ты знаешь, что в тебе скрыты уродливые вещи, ты знаешь, что в тебе скрыты злые вещи, ты знаешь, что в тебе скрыта животность. Пока ты не трансформируешь свой подход и не примешь себя как одно из животных в существовании...

В слове *животное*¹ нет ничего плохого. Оно просто означает «живое»; оно происходит от слова *anima*. Все, кто жив, – животные. Но человека учили: «Вы не животные; животные ниже вас. Вы человеческие существа». Вам дали ложное чувство собственного превосходства. Истина в том, что существование не верит ни в какое превосходство. Для существования все равны – деревья, птицы, животные, человеческие существа. В существовании все абсолютно приемлемо таким как есть, нет никакого осуждения.

¹ Animal (англ.) – здесь и далее прим. переводчика.

Если ты принимаешь свою сексуальность без всяких условий, если ты принимаешь, что человек и всякое существо в мире хрупко, что жизнь это очень тонкая нить, которая может порваться в любой момент... Как только это принято, и ты отбрасываешь ложные эго – прекращаешь быть Александром Великим, трижды великим Мухаммедом Али, – ты просто понимаешь, что каждый красив в своей обыкновенности, и у каждого есть слабости; это часть человеческой природы, потому что мы сделаны не из стали. Ты состоишь из очень хрупкого тела. Твоя жизнь возможна лишь между девяноста восемью и ста десятью градусами²; лишь двенадцать градусов делают жизнь возможной. Если температура опустится ниже, ты умрешь; если она выйдет за пределы этого промежутка, ты умрешь. То же самое касается тысячи и одной вещи в тебе. Одна из твоих основных потребностей – чтобы в тебе нуждались. Но никто этого не принимает: «Моя основная потребность – чтобы я был нужен, любим, принят».

Мы живем в таких претензиях, в таком лицемерии – по этой причине близость создает страх. Ты не то, чем кажешься. Твоя наружность ложна. Может быть, ты кажешься святым, но глубоко внутри ты по-прежнему слабое человеческое существо, со всеми его желаниями и стремлениями.

Первый шаг – это всецело себя принять, – вопреки всем вашим традициям, которые свели все человечество с ума. Как только ты принимаешь себя как есть, страх близости

² По шкале Фаренгейта; соответственно, прибл. 36,6 и 43,3 по Цельсию.

исчезает. Ты не можешь потерять уважение, не можешь потерять свое величие, не можешь потерять эго. Ты не можешь потерять свою праведность, свою святость – ты отбросил все это сам. Ты точно как маленький ребенок, совершенно невинный. Ты можешь открыться, потому что внутри тебя не наполняют уродливые подавления, которые стали извращениями. Ты можешь сказать, что чувствуешь, подлинно и искренне. И если ты готов к близости, ты будешь поощрять к близости другого человека. Твоя открытость поможет и другому человеку открыться тебе. Твоя лишенная претензий простота позволит и другому наслаждаться простотой, невинностью, доверием, любовью, открытостью.

Ты заключен в ловушку глупых концепций, и страшно то, что если ты с кем-то очень близок, он это узнает. Но мы хрупкие существа – самые хрупкие во всем существовании. Человеческий ребенок – самый хрупкий ребенок из всех животных. Дети животных могут выжить без матери, без отца, без семьи. Но человеческий ребенок тут же умрет. Таким образом, эта хрупкость не что-то, достойное осуждения – это высочайшее выражение сознания. Роза хрупка; это не камень. И не стоит чувствовать себя плохо, потому что ты роза, а не камень.

Лишь когда двое людей становятся близкими, они больше не незнакомцы. И это красивый опыт – найти, что не только ты полон слабостей, но и другие, может быть, каждый, полон слабостей. Высочайшее выражение всего становится слабым.

Корни очень сильные, но цветок не может быть таким сильным. Он красив, потому что не силен. Утром он раскрывает свои лепестки к солнцу, целый день танцует на ветру, под дождем, на солнце, и к вечеру лепестки начинают опадать; его больше нет.

Все, что только красиво и драгоценно, – мгновенно. Но ты хочешь, чтобы все было постоянным. Ты кого-то любишь и обещаешь: «Я буду любить тебя всю жизнь». И прекрасно знаешь, что не можешь быть уверенным даже в завтра – ты даешь ложное обещание. Вот все, что ты можешь сказать: «Я влюблен в тебя в это мгновение, и отдаю тебе всего себя полностью. О следующем мгновении я ничего не знаю. Как я могу обещать? Тебе придется меня простить».

Но влюбленные обещают всевозможные вещи, которых не могут осуществить. Тогда приходит разочарование, расстояние становится больше, начинается ссора, конфликт, борьба, и жизнь, которая должна была стать счастливее, просто превращается в долгое бесконечное несчастье.

Если ты осознаешь, что боишься близости, – если посмотришь вовнутрь и начнешь отбрасывать все, что заставляет тебя испытывать стыд, и принимать свою природу как есть, не как она должна быть, – это может стать для тебя великим откровением и революцией. Я не учу никакому «должен». Все «должен» делают человеческий ум больным. Людей нужно учить красоте «есть-ности», безмерному великолепию природы. Деревья не знают никаких десяти запове-

дей, птицы не знают никаких священных писаний. Только человек создает себе проблемы. Осуждая собственную природу, ты становишься расщепленным, ты становишься шизофреником.

И не только обычные люди, но и люди положения Зигмунда Фрейда, которые внесли огромный вклад в человеческое понимание ума. . . . Его методом был психоанализ: вам нужно позволить осознать все, что в вас бессознательно – и весь секрет в том, что как только что-то бессознательное вынесено в сознательный ум, оно испаряется. Ты становишься чище, светлее. И чем более и более высвобождается бессознательное, тем больше становится сознательное. И по мере того как территория бессознательного сжимается, расширяется территория сознательного.

Это великая истина. Восток знал ее тысячи лет, но на Западе ее впервые представил Зигмунд Фрейд – ничего не зная о Востоке и его психологии. Это был его личный вклад. Но вы удивитесь, узнав, что сам он никогда не хотел подвергнуться психоанализу. Основатель психоанализа никогда не подвергался психоанализу. Его коллеги снова и снова настаивали: «Ты дал нам метод, и все мы прошли психоанализ. Почему ты упорствуешь в том, чтобы не проходить его самому?»

Он не хотел и слышать об этом. Он боялся обнажить себя. Он стал великим гением, а если он обнажит себя, это низведет его до обычного человека. У него были те же самые стра-

хи, те же самые желания, те же самые подавления. Он никогда не говорил о своих снах, только слушал о снах других. И его коллеги очень удивлялись – «Великим вкладом было бы узнать о твоих снах». Но он никогда не соглашался лечь на кушетку психоаналитика и рассказать о своих снах, потому что его сны были так же обычны, что и сны любого другого – вот чего он боялся.

Гаутама Будда не побоялся бы войти в медитацию – это был его вклад: особенного рода медитация. И он не побоялся бы психоанализа, потому что у человека, который медитирует, все сны постепенно исчезают. Днем он остается молчаливым в уме, вопреки обычной сутолоке ума. А ночью он крепко спит, потому что сны – это не что иное как мысли, желания, стремления, не прожитые за день. Они пытаются завершить себя, по крайней мере, в снах.

Очень трудно найти человека, которому ночью снится его жена, или женщину, которой снится ее муж. Но очень часто им снятся жены и мужья соседей. Жена доступна; что касается жены, муж ничего не подавляет. Но жена соседа всегда красивее, и трава зеленее по другую сторону забора. И то, что недостижимо, создает великое желание его получить, заиметь. Днем ты не можешь этого сделать, но, по крайней мере, в снах ты свободен. Свободу видеть сны правительства пока еще не отняли.

Это ненадолго – вскоре они отнимут и ее, потому что есть методы, уже есть методы, при помощи которых можно на-

блюдать, когда ты видишь сны, а когда нет. И возможно, что однажды будет изобретено научное средство, при помощи которого можно будет проецировать сны на экран. Только какие-то электроды нужно поместить тебе в голову. Ты будешь крепко спать, радостно видеть сны, занимаясь любовью с женой соседа, а весь кинотеатр будет это наблюдать. А люди всегда думали, что этот человек святой!

Это можно даже увидеть невооруженным глазом: когда человек спит, наблюдайте; если его веки не показывают никакого движения глаз под ними, значит, ему ничего не снится. Если ему снятся сны, видно, что у него движутся глаза.

Возможно проецировать сон на экран. Также возможно навязать тебе определенный сон. Но, по крайней мере до сих пор, ни одна конституция не говорит: «Люди свободны видеть сны, это их право от рождения».

Гаутама Будда не видит снов. Медитация это способ выйти за пределы ума. Он живет в полном молчании двадцать четыре часа – нет никакой ряби на поверхности его сознания, никаких мыслей, никаких снов.

Но Зигмунд Фрейд боится, потому что знает, что ему снится. Я слышал об одном случае. Три русских писателя – Чехов, Горький и Лев Толстой – сидели на скамейке в парке и болтали; они были большими друзьями. Все трое – великие гении, каждый из которых создал такие великие романы, что даже сегодня, – если сосчитать десять величайших романов мира, – по крайней мере, пять из них окажутся романами

дореволюционных русских писателей.

Чехов начал рассказывать о женщинах в своей жизни. Горький присоединился к нему и тоже рассказал некоторые вещи. Но Толстой молчал. Толстой был очень ортодоксальным, религиозным христианином. Вы удивитесь, узнав, что одним из трех человек, которых Махатма Ганди считал своими учителями, был Толстой. Наверное, он так много подавлял. Толстой был одним из самых богатых людей в России, но жил как бедный нищий, потому что «блаженны бедные, ибо они унаследуют царство Божье», а он не хотел лишиться царства Божьего. Это не простота, это не отсутствие желаний – это избыточное желание. Это избыточная воля к власти. Он жертвовал этой жизнью и ее радостями, – потому что эта жизнь невелика, – ради того чтобы вечно наслаждаться раем и царством Божиим. Это была хорошая сделка – почти как лотерея, но без проигрыша.

Толстой воздерживался от половой жизни, ел только вегетарианскую еду. Он был почти святым! Естественно, его сны, должно быть, были очень уродливы, его мысли, должно быть, были очень уродливы. И когда Чехов с Горьким спросили его:

– Толстой, почему ты молчишь? Скажи что-нибудь. – Он сказал:

– Я ничего не могу сказать о женщинах. Я скажу что-то, только когда одной ногой буду стоять в могиле. Скажу и прыгну в могилу.

Можно понять, почему он так боялся что-то сказать; все кипело у него внутри. Нельзя быть очень близким с таким человеком как Толстой...

Близость просто означает, что двери сердца открыты; тебя приглашают прийти и быть гостем. Но это возможно только если у тебя есть сердце, которое не испускает зловония подавленной сексуальности, которое не кипит всевозможными извращениями, сердце, которое естественно. Естественно как деревья, естественно как дети – тогда нет страха перед близостью.

Именно это я пытаюсь сделать: помочь вам освободить от бремени свое бессознательное, освободить от бремени ум, стать обычными. Нет ничего красивее, чем просто быть простым и обычным. Тогда у тебя может быть сколько угодно близких друзей, сколько угодно близких отношений, потому что ты ничего не боишься. Ты становишься открытой книгой – каждый может читать. Скрывать нечего.

Каждый год Клуб Охотников поднимался в горы Монтаны. Члены клуба тянули жребий, кому из них готовить, и договаривались, что первый, кто пожалуется на еду, автоматически заменит неудачливого повара.

Осознав через несколько дней, что никто, кажется, не решится заговорить, Сандерсон отважился на отчаянный план. Вечером он нашел немного лосиного помета и добавил в рагу. В начале ужина вокруг костра можно было заметить несколько брезгливых гримас, но никто не сказал ни слова.

В конце концов один из членов клуба нарушил молчание.

– Эй, – воскликнул он, – это по вкусу точно как лосиное дерьмо, но приготовлено отлично!

У тебя столько лиц. Внутри ты думаешь одно, снаружи выражаешь что-то другое. Ты не одно органическое целое.

Расслабься и разрушь расщепление, которое создало в тебе общество. Говори только то, что подразумеваешь. Действуй согласно собственной спонтанности, никогда не заботься о последствиях. Эта жизнь мала, и она не должна быть отравлена размышлениями о последствиях здесь и в мире ином.

Человек должен жить тотально, интенсивно, радостно и точно как открытая книга, доступный для каждого, кто хочет ее прочитать. Конечно, ты не внесешь своего имени в исторические книги. Но какой смысл вносить свое имя в исторические книги?

Живи и не беспокойся о том, чтобы о тебе помнили – иначе это сделает тебя мертвым.

Миллионы людей жили на земле, и мы даже не знаем их имен. Прими этот простой факт – ты здесь лишь на несколько дней, потом тебя не станет. Эти несколько дней не должны быть потрачены на лицемерие, на страх. Этим несколькими дням нужно радоваться.

Никто ничего не знает о будущем. Ваш рай, ваш ад и Бог это, самое большое, гипотезы, недоказанные гипотезы. Единственное, что в твоих руках, это твоя жизнь – сделай ее как

можно более богатой.

В близости, в любви, открывая себя многим людям, ты становишься богаче. И если ты можешь жить в глубокой любви, в глубокой дружбе, в глубокой близости со многими людьми, ты прожил правильно, и где бы ты ни оказался, ты научился этому искусству, и будешь жить счастливо и там.

Если ты простой, любящий, открытый, близкий, ты окружаешь себя раем. Если ты закрыт, постоянно обороняешься, всегда тревожишься о том, что кто-то может узнать твои мысли, твои сны, твои извращения – ты живешь в аду. Ад внутри тебя, как и рай. Это не географические места, это твои духовные состояния.

Очисти себя. И медитация – это не что иное, как очищение себя от всего мусора, который собрался в уме. Когда ум молчалив, и сердце поет, ты готов – без всякого страха, но с великой радостью – к близости. А без близости, ты один среди незнакомцев. С близостью, ты окружен друзьями, людьми, которые тебя любят. Близость это великий опыт. Человек не должен его упустить.

В первую очередь первоочередное: азы близости

Люди ищут медитации, молитвы, нового образа бытия. Но более глубокий поиск, и более важный – как снова стать укорененным в существовании. Назови это медитацией, молитвой, или как угодно еще, но самое существенное – это как снова стать укорененным в существовании. Мы стали деревьями, лишенными корней, – и за это не ответствен никто другой, кроме нас самих, с нашими глупыми идеями о победе над природой.

Мы часть природы, – как часть может победить целое? Подружись с ней, люби ее, доверяй ей, и мало-помалу в этой дружбе, в этой любви, в этом доверии возникнет близость; ты станешь ближе. Природа подойдет к тебе ближе, природа начнет раскрывать свои тайны. Ее глубочайшая тайна – божественность. Она открывается лишь настоящим друзьям существования.

Начни оттуда, где ты находишься

Жизнь это поиск, – постоянный поиск, отчаянный поиск, безнадежный поиск, – поиск чего-то, чего человек не знает сам. Есть глубокий порыв искать, но человек не знает, что ищет. И есть определенное состояние ума, в котором, что бы

ты ни получил, это не даст тебе удовлетворения. Разочарование кажется уделом человечества, потому что, что бы ты ни получил, это становится бессмысленным в то мгновение, как ты это получаешь. Ты начинаешь искать снова.

Поиск продолжается, получаешь ты что-то или нет. Кажется неважным, что у тебя есть и чего у тебя нет, поиск все равно продолжается. Бедные ищут, богатые ищут, власть имущие ищут, лишенные власти ищут, глупые ищут, мудрые ищут – но никто точно не знает, что именно.

Сам этот поиск, – что это такое и почему, – должен быть понят. Кажется, есть какой-то зазор в человеческих существах, в человеческом уме. В самой структуре человеческого сознания, кажется, есть какая-то дыра, черная дыра. Ты продолжаешь бросать в нее вещи, и они продолжают исчезать. Кажется, ничто ее не наполняет, ничто не помогает ей удовлетвориться. Это очень лихорадочный поиск. Ты ищешь в этом мире, ты ищешь в другом мире. Иногда ты ищешь денег, власти, престижа, иногда ты ищешь Бога, блаженства, любви, медитации, молитвы – но поиск продолжается. Кажется, человек болен этим поиском.

Этот поиск не позволяет тебе быть здесь и сейчас, потому что этот поиск всегда ведет тебя куда-то еще. Поиск это проекция, поиск это желание, идея, что где-то в другом месте есть то, что нужно – что это что-то существует, но существует где-то в другом месте, не там, где ты находишься. Это что-то, несомненно, существует, но не в это мгновение времени

– не сейчас, где-то еще. Это что-то существует тогда и там, никогда не здесь и сейчас. Это тебя постоянно изводит, это тебя постоянно тянет, толкает. Это повергает тебя в большее и большее безумие; это сводит тебя с ума, – и никогда ничем не удовлетворяется.

Я слышал об одной великой суфийской женщине-мистике, Рабие-Аль-Адавии.

Однажды вечером люди увидели, что она сидит на дороге и что-то ищет. Она была старухой, у нее были слабые глаза, и она с трудом видела. И соседи пришли ей на помощь. Они сказали:

– Что ты ищешь?

– Этот вопрос к делу не относится, – сказала Рабия. – Я ищу: если можете, помогите мне.

Они засмеялись и сказали:

– Рабия, не сошла ли ты с ума? Ты говоришь, что этот вопрос к делу не относится, но как же мы можем помочь, если не знаем, что ты ищешь?

Рабия сказала:

– Ладно – только чтобы удовлетворить ваше любопытство – я ищу иголку. Я потеряла иголку.

Они стали ей помогать, но тут же осознали, что дорога очень большая, а иголка очень маленькая. И они спросили Рабию:

– Пожалуйста, скажи нам, где ты ее потеряла – точное, конкретное место, – иначе это очень трудно. Дорога боль-

шая, и мы можем продолжать искать ее вечно. Где ты ее потеряла?

– Снова вы задаете не относящийся к делу вопрос. Какое это имеет отношение к моему поиску?

Они остановились. Они сказали:

– Ты, несомненно, сошла с ума!

– Ладно, – сказала Рабия, – только чтобы удовлетворить ваше любопытство: я потеряла ее в доме.

Они спросили:

– Почему же тогда ты ищешь ее здесь?

И, говорят, Рабия сказала:

– Потому что здесь светло, а внутри нет никакого света.

Садилось солнце, и на дороге оставалось немного света...

Эта притча очень значительна. Ты когда-нибудь спрашивал себя, что ищешь? Делал ли ты это когда-нибудь объектом глубокой медитации – узнать, что именно ты ищешь? Нет. Даже если в какие-то мгновения, смутно, словно во сне, у тебя появляется намек на то, что именно ты ищешь, это никогда не точно, никогда не определено. Ты еще не определил своего поиска.

Но если ты попытаешься определить, то окажется, что чем более определенным становится объект поиска, тем более ты почувствуешь, что искать этого не стоит. Поиск может продолжаться только в состоянии туманности, в состоянии сновидения; когда ничто не ясно, и ты просто продолжаешь искать, движимый каким-то внутренним позывом, подталки-

аемый какой-то внутренней потребностью. Ты знаешь одно: тебе нужно искать. Это внутренняя потребность. Но ты не знаешь, что ищешь. А если ты не знаешь, что ищешь, как ты это можешь найти?

Это туманно – ты думаешь, что это «что-то» в деньгах, власти, престиже, респектабельности. Но ты смотришь на людей, которые респектабельны, людей, у которых есть власть: они тоже ищут. Тогда ты видишь людей, которые очень богаты, и они тоже ищут; до самого конца жизни они продолжают искать. Таким образом, богатство не помогает, власть не помогает. Поиск продолжается вопреки всему, что у тебя есть.

Поиск должен быть направлен на что-то другое. Названия, ярлыки – деньги, власть, престиж – нужны лишь для того, чтобы удовлетворить твой ум. Они нужны лишь для того, чтобы помочь тебе почувствовать, что ты что-то ищешь. Это что-то еще не определено, это очень туманное чувство.

Первая задача для настоящего искателя – искателя, который стал немного бдительным, осознанным – это определить поиск, сформулировать ясную концепцию, что это такое, вывести его из погруженного в сны бессознательного, столкнуться с ним в полной бдительности, посмотреть в него прямо; столкнуться с ним лицом к лицу. Тотчас же начнется трансформация. Начав определять поиск, ты начнешь терять интерес к этому поиску. Чем более он становится определенным, тем его меньше. Как только ты ясно видишь, что

это такое, внезапно он исчезает. Он существует только потому, что ты невнимателен.

Позвольте мне повторить: поиск существует, только когда ты спишь. Поиск существует, только когда ты не осознан; поиск существует только в твоей неосознанности. Неосознанность порождает поиск.

Да, Рабия права. Внутри нет света – и поскольку внутри нет света и сознания, конечно, ты продолжаешь искать снаружи, потому что снаружи все кажется яснее.

Наши органы чувств экстравертны. Глаза открыты наружу, руки движутся, тянутся наружу, ноги несут нас наружу, уши слушают шумы и звуки снаружи. Что бы ни было тебе доступно, все это открывает тебя наружу; все пять чувств движутся экстравертным образом. Ты начинаешь искать там, где ты видишь, чувствуешь, касаешься. Свет чувств падает наружу, а ищущий остается внутри.

Эту двойственность нужно понять. Ищущий внутри, – но поскольку снаружи светлее, ищущий начинает двигаться в амбиции, пытаясь снаружи найти то, что принесет ему удовлетворенность. Этого никогда не случится – этого никогда не бывало. Этого не может случиться по природе вещей, потому что, пока ты не ищешь ищущего, все твои поиски бессмысленны. Пока ты не узнаешь, кто ты такой, все, что ты ищешь, тщетно, потому что ты не знаешь ищущего. Без знания ищущего как ты можешь двигаться в правильное измерение, в правильное направление? Это невозможно. В

первую очередь нужно рассматривать первоочередное.

Таким образом, очень важны две вещи: во-первых, осознанной абсолютно ясно, в чем заключается объект твоего поиска. Не продолжай просто спотыкаться в темноте. Сфокусируй свое внимание на объекте: что ты на самом деле ищешь? Потому что иногда ты хочешь одного, а продолжаешь искать что-то другое, и даже если ты добьешься успеха, это не принесет удовлетворения. Видели ли вы людей, добившихся успеха? Видели ли вы когда-нибудь большее поражение? Вы слышали поговорку, что ничто так не успешно, как успех. Это абсолютно неправильно. Мне бы хотелось вам сказать, ничто так не безуспешно, как успех. Эту поговорку, наверное, изобрели глупцы – ничто так не безуспешно, как успех.

Об Александре Великом говорят, что в тот день, когда он завоевал весь мир, он заперся у себя в комнате и заплакал. Не знаю, действительно это случилось или нет, но если он был хоть немного разумен, должно быть, это бы случилось. Его генералы были очень обеспокоены: что случилось? Они никогда не видели, чтобы Александр Великий плакал. Он был не таким человеком; он был великим воином. Они видели его в лишениях, в ситуациях, когда жизнь была в большой опасности, когда смерть была почти неминуема, и никогда у него на глазах не было ни одной слезы. Они никогда ни мгновения не видели его в отчаянии, безнадежности. Что случилось с ним теперь... когда он добился успеха, когда он завоевал весь мир?

Они постучались к нему в двери, зашли и спросили:

– Что с тобой случилось? Почему ты плачешь как ребенок?

Он сказал:

– Теперь, когда я добился успеха, я знаю, что это было поражением. Теперь я знаю, что стою точно в том же месте, где стоял, когда начал это бессмысленное завоевание мира. И теперь мне ясно, что нет другого мира, чтобы завоевать; иначе я продолжил бы путешествие, я мог бы начать завоевывать другой мир. Теперь больше нет мира, который можно было бы завоевать, теперь нечего больше делать, и я внезапно отброшен к самому себе.

Успешный человек всегда в конце концов оказывается отброшенным к самому себе, и тогда он терпит адские муки, потому что потратил всю свою жизнь впустую. Он искал и искал, он поставил на карту все, что у него было. Теперь он добился успеха, и его сердце пусто, и его душа бессмысленна, и нет никакого аромата, нет никакого благословения.

Поэтому первое, что нужно сделать, это узнать точно, что ты ищешь. Я на этом настаиваю – потому что чем более ты фокусируешь глаза на объекте своего поиска, тем более этот объект начинает исчезать. Когда твои глаза абсолютно сфокусированы, внезапно искать нечего; тотчас же твои глаза начинают обращаться к тебе самому. Когда нет объекта поиска, когда все объекты исчезли, есть пустота. В этой пустоте – обращение, направление вовнутрь. Ты внезапно начинаешь

смотреть на самого себя. Теперь искать нечего, и возникает новое желание узнать этого искателя.

Если тебе есть что искать, ты мирской человек. Если искать нечего, и для тебя становится более важным вопрос: «Кто этот искатель?», ты религиозный человек. Именно таким образом я определяю мирское и религиозное. Если ты все еще что-то ищешь – может быть, в другой жизни, на другом берегу, в раю, на небесах, неважно – ты все еще мирской человек. Если все поиски прекращены, и ты внезапно осознаешь, что теперь есть лишь одно, что нужно узнать: «Кто этот искатель у меня внутри? Что это за энергия, которая хочет искать? Кто я?» – тогда происходит трансформация. Все ценности внезапно меняются. Ты начинаешь двигаться вовнутрь. Тогда Рабия больше не сидит на дороге в поисках иголки, потерянной где-то в темноте ее собственной души.

Как только ты начинаешь двигаться вовнутрь... Поначалу очень темно, – Рабия права, там очень, очень темно. Потому что многие жизни ты никогда не был внутри, твои глаза всегда были сфокусированы на внешнем мире. Ты не замечал? Не наблюдал? Иногда бывает так, что ты идешь по дороге, где сияет горячее солнце, и свет очень яркий, и после этого вдругходишь в комнату или дом, и тебе кажется, что там очень темно, – потому что глаза привыкли к наружному освещению, к яркому свету. Когда света много, зрачки сжимаются. В темноте глаза расслабляются; в темноте зрачки расширяются. На свету достаточно небольшого расшире-

ния зрачка. Именно так действует фотоаппарат, и именно так действует глаз; фотоаппарат был изобретен по принципу человеческого глаза.

Поэтому, когда ты внезапноходишь снаружи, твой дом кажется темным. Но если ты посидишь немного, мало-помалу темнота исчезнет. Света больше; глаза привыкают. Многие жизни ты был снаружи, на горячем солнце, в мире, поэтому, когда тыходишь вовнутрь, оказывается, что ты совершенно разучился входить и перенастраивать глаза. Медитация – это не что иное, как перенастройка твоего видения, перенастройка зрения, глаз.

В Индии именно это называется третьим глазом. Это не глаз, который где-то есть, это перенастройка, полная перенастройка видения. Мало-помалу темнота больше не темна. Начинает ощущаться тонкий, рассеянный свет. И если ты продолжаешь смотреть вовнутрь – на это требуется время – мало-помалу ты начнешь ощущать прекрасный свет внутри. Это не агрессивный свет; он не как солнце, он скорее как луна. Он не сверкает, не ослепляет, он очень прохладен. Он не горячий, он очень сострадательный, очень смягчающий; это бальзам.

Мало-помалу, когда ты настроишься на внутренний свет, ты увидишь, что его источником являешься ты сам. Ищущий есть искомое. Тогда ты увидишь, что настоящее сокровище у тебя внутри, и вся проблема была в том, что ты искал снаружи. Ты искал где-то снаружи, а это всегда было у тебя внут-

ри. Это всегда было здесь, у тебя внутри. Ты искал в неверном направлении, вот и все.

Все это доступно тебе настолько же, как и любому другому, настолько же, как и Гаутаме Будде, Баал-Шему, Моисею, Мухаммеду. Все это доступно тебе, только ты ищешь в неверном направлении. Что касается сокровища, ты не беднее Будды или Мухаммеда – нет, Бог никогда не создавал бедного человека. Этого не происходит – этого не может произойти, потому что Бог создает из своего богатства. Как может Бог создать бедного человека? Ты – его переполнение; ты часть существования, – как ты можешь быть бедным? Ты богат, безмерно богат, – богат как сама природа.

Но ты ищешь в неверном направлении. Направление неверно, вот почему ты продолжаешь упускать. И не потому, что ты не преуспел в жизни – ты можешь добиться успеха. Но все же это будет поражением. Ничто тебя не удовлетворит, потому что во внешнем мире нельзя достичь ничего, что могло бы сравниться с внутренним сокровищем, с внутренним светом, с внутренним блаженством.

Знание себя возможно лишь в глубоком одиночестве. Обычно все, что мы знаем о себе, это лишь мнение других. Они говорят: «Ты хороший», и мы думаем, что мы хорошие. Они говорят: «Ты красивый», и мы думаем, что мы красивые. Они говорят: «Ты плохой», или уродливый... что бы люди о нас ни говорили, мы продолжаем это накапливать. Это становится нашей само-отождественностью. Это совер-

шенно ложно, потому что никто другой не может тебя знать – никто не может знать, кто ты такой, кроме тебя, тебя самого. Что бы они ни знали, это только стороны, и эти стороны очень поверхностны. Что бы они ни знали, это только мгновенные настроения; они не могут проникнуть в твой центр. Даже любимый не может проникнуть в самое ядро твоего существа. Там ты совершенно один, и только там ты придешь к тому, кто ты такой.

Люди живут всю жизнь, веря в то, что говорят другие, завися от других. Именно поэтому люди так боятся мнений других. Если они думают, что ты плохой, ты становишься плохим. Если они тебя осуждают, ты начинаешь осуждать себя. Если они говорят, что ты грешник, ты начинаешь чувствовать себя виноватым. Из-за того, что тебе приходится зависеть от их мнений, тебе постоянно приходится подстраиваться под их идеи; иначе они переменяют свои мнения. Это создает рабство, очень тонкое рабство. Если ты хочешь, чтобы тебя знали как хорошего, достойного, красивого, разумного, тогда ты должен уступать, постоянно идти на компромисс с людьми, от которых зависишь.

Возникает другая проблема. Поскольку людей так много, они продолжают наполнять твой ум разными мнениями – в том числе противоречащими друг другу мнениями. Одно мнение противоречит другому; поэтому у тебя внутри возникает великое замешательство. Один человек говорит, что ты очень разумен, другой говорит, что ты глуп. Как решить?

Ты разделен. Ты становишься в отношении себя подозрительным, не уверенным, кто ты такой... колеблешься. Это создает для тебя большие сложности, и эти сложности становятся больше и больше, потому что тебя окружают тысячи людей.

Ты сталкиваешься со столькими людьми, и каждый закладывает тебе в ум свою идею. И никто из них тебя не знает – даже ты сам себя не знаешь – и все это нагромождается у тебя внутри. Это сводящая с ума ситуация. У тебя внутри много голосов. Спроси, кто ты, и придет много ответов. Какой-то ответ будет ответом твоей матери, какой-то ответ будет ответом отца, ответом учителя, и так далее, и тому подобное, и невозможно будет решить, какой ответ правильный. Как решить? По какому критерию? Именно в этом человек теряется. Это невежество о себе.

Но поскольку ты зависишь от других, ты боишься идти в одиночество – потому что в то мгновение, как ты начинаешь двигаться в одиночество, ты начинаешь бояться потерять себя. Прежде всего, у тебя нет никакого «себя», но какое бы «я» ты ни создал из мнений других, его придется оставить позади. Поэтому продолжать страшно. Чем глубже ты идешь, тем меньше знаешь, кто ты такой. Поэтому, фактически, когда ты движешься к самопознанию, прежде чем это произойдет, ты должен отбросить все идеи о «себе». Будет промежуток, и будет своего рода пустота. Ты станешь не-сущностью. Ты совершенно потеряешься, потому что все, что ты знаешь,

больше не имеет значения, а того, что имеет значение, ты еще не знаешь.

Христианские мистики называют это «темной ночью души». Ее нужно пройти, и как только ты ее прошел, наступает рассвет. Солнце восходит, и человек впервые узнает себя. Первый луч солнца, и он осуществлен. Первые песни птиц утром, и он достиг.

Будь подлинным

Правдивость означает подлинность – быть правдивым, не быть ложным, не использовать масок. Каким бы ни было твое настоящее лицо, покажи его, какой бы ни была цена.

Помни, это не значит, что ты должен срывать маски с других; если они счастливы в своей лжи, это решать им. Не ходи и не срывай ни с кого маски, потому что люди именно так и думают – они говорят, что должны быть правдивыми, подлинными; они подразумевают, что должны ходить и всех разоблачать: «Почему ты скрываешь тело? Эта одежда не нужна». Нет. Пожалуйста, помни: будь правдивым с самим собой. Ты не должен реформировать никого другого в этом мире. Если ты можешь расти сам, этого достаточно. Не будь реформатором, и не пытайся учить других, не пытайся изменить других. Если изменишься *ты*, этого послания будет достаточно.

Быть подлинным значит оставаться верным своему соб-

ственному существу. Как оставаться верным? Нужно помнить три вещи. Первое: никогда никого не слушай, когда тебе говорят кем-то быть. Всегда слушай свой внутренний голос, кем ты хотел бы быть; иначе вся твоя жизнь будет потрачена впустую. Твоя мать хочет, чтобы ты был инженером, отец хочет, чтобы ты был доктором, а ты хочешь быть поэтом. Что делать? Конечно, мать права, потому что быть инженером экономически целесообразнее, полезнее. Отец тоже прав; врач – хороший товар на рынке, который имеет рыночную ценность. Поэт? Ты что, сошел с ума? Ты что, ненормальный? Поэты – это проклятые люди. Никто их не хочет. Они никому не нужны; мир может существовать без поэзии – не возникнет никаких проблем только потому, что нет никакой поэзии. Мир не может существовать без инженеров; миру нужны инженеры. Если ты нужен, ты имеешь ценность. Если ты не нужен, ты не несешь в себе никакой ценности.

Но если ты хочешь быть поэтом, будь поэтом. Ты можешь быть нищим – хорошо. Может быть, ты никогда этим не разбогатеешь, но не беспокойся об этом – потому что иначе ты можешь стать очень хорошим инженером, заработать много денег, но никогда не станешь состоявшимся. Ты всегда останешься жаждущим; твое внутреннее существо будет жаждать стать поэтом.

Я слышал об одном большом ученом, хирурге, которому присудили Нобелевскую премию. Его спросили:

– Когда вам присудили Нобелевскую премию, вы не вы-

глядели счастливым. В чем дело?

Он сказал:

– Я всегда хотел быть танцором. Прежде всего, я никогда не хотел быть хирургом. И мало того, что я стал хирургом: я стал очень преуспевающим хирургом, и это бремя. Я просто хотел быть танцором, но танцую я очень плохо – и это моя боль, тоска. Каждый раз, когда я вижу, что кто-то танцует, я так несчастен, я в таком аду. Что мне делать с этой Нобелевской премией? Она не может стать для меня танцем, она не может дать мне танца.

Помни, будь верен своему внутреннему голосу. Он может привести тебя к опасности – тогда иди в опасность, но оставь верным внутреннему голосу. Возможно, однажды ты придешь в состояние, когда сможешь танцевать с внутренней удовлетворенностью.

Всегда смотри на это: твое существо первостепенно. Не позволяй другим манипулировать собой и контролировать себя – их много; каждый готов тебя контролировать, каждый готов тебя изменить, каждый готов дать тебе направление, которого ты не просил. Каждый дает тебе жизненный путеводитель. Путеводитель существует у тебя внутри, ты несешь его отпечаток.

Быть подлинным значит быть верным самому себе. Это очень, очень опасное явление; редкие люди могут это делать. Но каждый раз, когда люди это делают, они достигают. Они достигают такой красоты, такой благословенности,

такой удовлетворенности, которых ты не можешь себе даже представить.

Причина того, что все выглядят такими разочарованными, в том, что никто не слушает своего внутреннего голоса. Ты хотел жениться на девушке, но девушка была мусульманкой, а ты – индуистским *брамином*, ваши родители этого бы не позволили. Общество этого не принимает, это опасно. Девушка была бедна, а ты богат. И ты женился на богатой женщине, индуистке, *браминке* по касте, и это было приемлемо для всех, кроме твоего сердца. Поэтому теперь ты живешь уродливой жизнью. Теперь ты идешь к проститутке – но даже проститутки тебе не помогут; ты сделал проституцией всю свою жизнь. Ты потратил всю жизнь впустую.

Всегда слушай свой внутренний голос, не слушай больше ничего. Тебя окружает тысяча и один соблазн, потому что многие люди «проталкивают» свое. Это супермаркет, – мир, – и каждый заинтересован в том, чтобы продать тебе что-то свое. Каждый – продавец. Если ты будешь слушать слишком многих продавцов, то сойдешь с ума. Никого не слушай, просто закрой глаза и слушай свой внутренний голос. Именно в этом и заключается вся медитация – слушать свой внутренний голос. Это первое.

И второе – если ты сделал первое, только тогда становится возможным второе – тогда не носи маску. Если ты в гневе, будь в гневе. Это рискованно, но не улыбайся, потому что это значило бы солгать. Но тебя учили улыбаться, когда ты в гне-

ве. Тогда твоя улыбка становится ложной, маской – только упражнение губ и ничего больше. Сердце полно гнева, яда, а губы улыбаются; ты становишься ложным явлением.

Тогда происходит и другое: когда ты хочешь улыбаться, то не можешь. Весь твой механизм стоит вверх ногами, потому что, когда ты хотел быть гневным, этого не случилось, когда ты хотел ненавидеть, этого не случилось. Теперь ты хочешь любить; внезапно ты находишь, что механизм не работает. Теперь ты хочешь улыбаться; тебе приходится вызывать это силой. Твое сердце на самом деле полно улыбки, и ты хочешь громко рассмеяться, но не можешь смеяться. Что-то душит твое сердце, что-то душит твое горло. Улыбка не приходит, и даже если она приходит, это очень бледная и мертвая улыбка. Она не делает тебя счастливым, она не всплывает в тебе. Она не окружает тебя сиянием.

Когда ты хочешь быть гневным, будь гневным. Нет ничего плохого в гневе. Если ты хочешь смеяться, смейся. Нет ничего плохого в том, чтобы громко смеяться. Мало-помалу ты увидишь, что вся твоя система действует. Когда она действительно действует, она гудит определенным образом. Точно как машина, когда все хорошо, гудит – водитель, который любит свою машину, знает, что сейчас все работает хорошо, есть органическое единство; механизм в полном порядке.

Ты можешь это увидеть – когда механизм человека действует хорошо, ты можешь услышать его гудение. Он ходит, но в его походке есть танец. Он говорит, но его слова

несут тонкую поэзию. Он смотрит на тебя, и он действительно смотрит; это не едва тепло, это действительно тепло. Когда он тебя касается, он действительно касается; ты можешь почувствовать, что его энергия движется в твое тело, передается поток жизни... потому что его механизм действует хорошо.

Не носи маски; иначе ты создашь в своем механизме напряжения, блоки. В твоем теле много блоков. У человека, который подавляет гнев, становится напряженной челюсть. Весь гнев приходит в челюсть и в ней останавливается. Его руки становятся уродливыми; в них нет изящества танцора, нет, потому что гнев приходит в пальцы, и они блокируются. Помни, у выражения гнева есть два клапана: первый это зубы, второй – пальцы. Все животные, когда они в гневе, кусают зубами и разрывают лапами. Поэтому ногти и зубы – это две точки, из которых высвобождается гнев.

Я подозреваю, что когда гнев слишком подавлен, у людей начинаются проблемы с зубами. У них болят зубы, потому что в них слишком много энергии, и она никогда не высвобождается. И каждый, кто подавляет гнев, будет больше есть – злые люди всегда много едят, потому что зубам нужно какое-то упражнение. Злые люди больше курят. Злые люди больше говорят – они могут стать одержимыми болтунами, потому что челюстям нужно упражнение, чтобы энергия хоть немного высвобождалась. И руки злых людей становятся узловатыми, уродливыми. Если бы энергия высвобожда-

лась, руки злых людей могли бы стать красивыми.

Если ты что-то подавляешь, это проявляется в теле: каждой эмоции соответствует какая-то часть тела. Если ты хочешь плакать и сдерживаешься, твои глаза теряют блеск... потому что слезы нужны; это очень живое явление. Если иногда ты плачешь – иди в это по-настоящему, стань этим, и слезы начнут катиться у тебя из глаз – твои глаза очистятся, снова станут свежими, молодыми и девственными.

Именно поэтому у женщин глаза красивее – потому что они все еще могут плакать. Мужчина потерял красоту глаз из-за неверного представления, что мужчина не должен плакать. Если кто-то, какой-то маленький мальчик плачет, все, даже родители, говорят:

– Что ты делаешь? Ты что, нытик?

Какая чепуха! Потому что Бог дал вам – мужчине и женщине – одни и те же слезные железы. Если бы мужчины не должны были плакать, у них не было бы слезных желез; это простая математика. Почему у мужчин слезные железы развиты так же, как и у женщин? Глазам нужны слезы и плач, и это очень красиво, если ты можешь плакать и рыдать от всего сердца.

Помни, если ты не можешь плакать и рыдать от всего сердца, ты не сможешь и смеяться, потому что это другая полярность. Люди, которые могут смеяться, могут и плакать; люди, которые не могут плакать, не могут смеяться. И, может быть, ты замечал это иногда в детях: если они долго и громко

смеются, они начинают плакать – потому что эти вещи соединены. В деревнях я слышал, как матери говорили детям:

– Не смейтесь слишком много, иначе вы начнете плакать.

Это действительно правда, потому что эти явления не различны, просто одна и та же энергия движется к противоположным полюсам. Поэтому, второе: не носи масок – будь верным тому, что бы ни происходило, любой ценой.

И третье о подлинности... всегда оставайся в настоящем, потому что все ложное входит либо из прошлого, либо из будущего. То, что прошло, прошло, не беспокойся об этом и не носи с собой как бремя; иначе оно не позволит тебе быть подлинным в настоящем. А все, что еще не пришло, еще не пришло. Не беспокойся напрасно о будущем, иначе оно придет в настоящее и разрушит его. Будь верным настоящему, и тогда ты будешь подлинным. Быть здесь и сейчас значит быть подлинным. Ни прошлого, ни будущего; это мгновение – все. Это мгновение – вся вечность.

Эти три вещи... – и ты достигнешь истинности. Тогда, что бы ты ни говорил, это будет правда. Обычно мы думаем, что должны заботиться о том, чтобы говорить правду; я этого не говорю. Я говорю: создай подлинность, и что бы ты ни сказал, это будет правда.

Истина это не что-то логичное. Я не подразумеваю под истиной заключение, достигнутое логическими, рациональными методами. Под истиной я подразумеваю подлинность существа; ты ничего себе не навязываешь, но просто оста-

ешься самым собой, как бы это ни было рискованно, никогда не становись лицемером. Если ты печален, будь печальным. Это истина этого мгновения; не прячь ее. Не вызывай на своем лице фальшивой улыбки, потому что фальшивая улыбка создаст в тебе расщепленность. Ты распадешься надвое – часть тебя будет улыбаться, и конечно, это будет лишь меньшая часть, а большая часть останется печальной. Возникла раздвоенность, и если ты продолжаешь это делать снова и снова...

Если ты в гневе, и не показываешь своего гнева... ты боишься, что это может разрушить твой имидж, потому что люди считают тебя сострадательным человеком и говорят, что ты никогда не приходишь в гнев. Они этим восхищаются, и это так приятно для эго. Этот гнев разрушит твой красивый имидж, поэтому ты предпочитаешь разрушению имиджа подавление гнева. Он кипит внутри, но на поверхности ты остаешься сострадательным, добрым, вежливым, милым. Тем самым ты практикуешь раздвоенность. Люди практикуют раздвоенность всю жизнь; раздвоенность утверждается абсолютно. Даже если ты сидишь один, и больше никого нет, нет необходимости притворяться, ты все равно продолжаешь притворяться; это становится твоей второй натурой. Люди не верны себе даже в ванной; даже когда они абсолютно одни, они неверны себе. Теперь речь уже не идет о том, чтобы быть верным или неверным себе; это вошло у них в привычку. Они это практиковали всю жизнь, и по мере того, как ты

это практикуешь больше и больше, больше и больше становится расстояние между двумя частями тебя.

Когда расстояние становится несоединимым, мы называем это шизофренией. Когда ты не можешь связаться со второй своей частью, почти становишься двумя людьми вместо одного человека, это тяжелая умственная болезнь. Но раздвоен каждый, поэтому разница между шизофреником и нормальным человеком – только в степени. Она не слишком существенна; она не в качестве, а в количестве.

Под «истиной» я подразумеваю: не притворяться. Просто будь собой, кем бы ты ни был – если в одно мгновение ты печален, значит, в это мгновение ты печален. Если в следующее мгновение ты становишься счастливым, нет необходимости продолжать оставаться печальным – потому что нас учили и этому: оставаться последовательными, всегда быть последовательными. Это происходит, вы это можете наблюдать – ты был печален, и внезапно печали больше нет, но ты не можешь тут же рассмеяться, потому что, что подумают люди? Ты что, сумасшедший? Секундой раньше ты был печален, и тут же начинаешь смеяться? Так себя ведут только сумасшедшие или дети; тебе это не положено. Тебе придется ждать определенной ситуации, в которой ты можешь постепенно расслабиться и начать снова улыбаться и смеяться.

Таким образом, ты не только притворяешься улыбающимся, когда печален; но и когда тебе хочется улыбаться, ты притворяешься печальным из-за всей этой дурацкой идеи о том,

чтобы оставаться последовательным. У каждого мгновения свои особенности, и никакому мгновению не нужно никакой последовательности ни с каким другим. Жизнь – это поток, это река: ее настроения постоянно меняются. Поэтому человеку не стоит беспокоиться о последовательности. Каждый, кто начинает беспокоиться о последовательности, становится фальшивым, потому что последовательной может быть только ложь. Истина всегда меняется. Истина остается со всеми своими противоречиями – и это богатство истины, это ее простор, это ее красота.

Поэтому, если ты чувствуешь грусть, будь грустным – без всякого осуждения, без всякой оценки, хорошо это или плохо. Нет речи о хорошем и плохом, это просто так. И когда это проходит, пусть пройдет. Когда снова ты начинаешь улыбаться, не чувствуй себя виноватым, потому что «только что ты был печален, как ты можешь улыбаться?» Пусть сначала кто-то пошутит, пусть кто-то разобьет лед, и тогда ты сможешь улыбаться, нужно дождаться правильного момента. Тогда это снова лицемерие. Когда ты счастлив, будь счастливым; не нужно ничего изображать.

И помни: каждое мгновение имеет свою атомическую реальность. Оно не продолжает прошлое мгновение, и оно не соединено с будущим мгновением. Каждое из мгновений атомично. Они не следуют друг за другом как последовательность, они не линейны. У каждого мгновения есть свои особенности бытия, и в это мгновение ты должен быть этим, ни-

чем другим. Именно это в действительности подразумевается под истиной.

Истина означает подлинность, истина означает искренность. Истина это не логическая вещь. Это психологическое состояние верного себе существа – верного не какому-то идеалу, потому что если ты следуешь какому-то идеалу, то становишься фальшивым. Если ты считаешь истинным быть как Будда, тогда ты никогда не будешь истинным, потому что ты *не* Будда, и будешь навязывать себе Будду. Ты можешь сидеть как Будда, ты можешь почти превратиться в мраморную статую, но глубоко внутри ты останешься прежним. Будда будет только позой. И если у тебя есть идеал, ты не сможешь быть верным мгновению, потому что идеал всегда перед тобой, и ты должен ему подражать.

У истинного человека нет никаких идеалов. Он живет от мгновения к мгновению; он всегда живет так, как чувствует в мгновении. Он очень уважителен к своим чувствам, эмоциям, настроениям. И именно такими я хочу, чтобы были люди: подлинными, истинными, искренними, уважающими собственную душу.

Слушай самого себя

Всегда прислушивайся к своим чувствам, нет необходимости оглядываться по сторонам. И глядя на людей, ты не можешь увидеть в точности, что с ними происходит, потому

что их лица – это не их реальность, точно как твое лицо – не твоя реальность. Их внешняя видимость не соответствует внутренней реальности, точно так же как не соответствует внутренней реальности твоя внешняя видимость.

Именно в этом состоит все лицемерие общества – не показывать внутреннего, центра, своего настоящего лица. Скрывай его. Показывай его только тем, с кем ты очень близок, и кто тебя поймет. Но кто близок? Даже влюбленные не показывают друг другу лиц. Потому что... – никто не знает, в эту минуту это влюбленный, в следующую, может быть, он им не будет. Поэтому каждый становится как остров, закрытым.

Не смотри на других, смотри на себя. И пусть то, что внутри, выйдет наружу, как бы это ни было рискованно. Нет большего риска, чем подавление. Подавляя, ты потеряешь всю радость жизни, весь энтузиазм. Продолжая подавлять, ты потеряешь всю жизнь. Подавление токсично; оно отравляет существо.

Слушай свое сердце, и что бы в нем ни было, вынеси это наружу. Вскоре ты научишься выносить это наружу и наслаждаться этим. И как только ты узнаешь, как быть истинным, это так красиво, что ты никогда не удовлетворишься ложным. Мы продолжаем решать в пользу ложного, потому что никогда не испытывали вкуса реального. С самого детства реальное было подавлено. Прежде чем ребенок осознает, что реально, его учат подавлять это. Бессознательно, механически он продолжает подавлять, не зная, что делает.

Будь истинным с самим собой – нет никакой другой ответственности. Человек должен быть ответственным перед своим собственным существом. Ты ответствен перед своим существом, и Бог не спросит, почему ты не был кем-то другим.

Есть история о том, что когда хассидский мистик Джозия умирал, кто-то спросил его, почему он не молится Богу, и уверен ли он, что Моисей будет свидетельствовать за него. Он ответил:

– Позвольте мне сказать вам одно. Бог не спросит меня, почему я не Моисей. Он спросит меня, почему я не Джозия.

В этом вся проблема: как быть собой. И если ты можешь ее решить, тогда все остальные проблемы перестают быть проблематичными. Тогда жизнь это прекрасное таинство, которое нужно прожить, – не проблема, которую нужно разрешить, но просто... – но просто жить и наслаждаться.

Будь собой

Доверие возможно, лишь если сначала ты доверяешь самому себе. Самое фундаментальное должно сначала случиться с тобой. Если ты доверяешь самому себе, ты можешь доверять мне, ты можешь доверять людям, ты можешь доверять существованию. Но если ты не доверяешь себе, тогда никакое другое доверие невозможно.

А общество разрушает твоё доверие от самых корней. Оно

не позволяет тебе доверять себе. Оно учит всем видам доверия – доверию родителям, доверию церкви, доверию государству, доверию Богу, и так далее до бесконечности. Но основа доверия совершенно разрушена. И тогда все остальные доверия фальшивы, обречены быть фальшивыми. Тогда все остальные доверия – только искусственные цветы. У тебя нет настоящих корней, чтобы выросли настоящие цветы.

Общество делает это намеренно, умышленно, потому что человек, который доверяет себе, опасен для общества – общества, которое зависит от рабства, общества, которое много вложило в рабство. Человек, доверяющий себе, – независимый человек. О нем нельзя сделать никаких прогнозов, он будет двигаться по-своему. Его жизнью будет свобода. Он будет доверять, когда чувствует, когда любит, и тогда в его доверии будет безмерная интенсивность и истина. Тогда его доверие будет живым и подлинным. И он будет готов рискнуть всем ради своего доверия – но только когда он его чувствует, только когда оно истинно, только когда оно шевелится в его сердце, только когда оно касается его разума и любви, иначе – нет. Ты не можешь его принудить ни к какому виду верования.

Это общество основано на верованиях. Вся его структура состоит в самовнушении. Вся его структура основана на том, чтобы создавать роботов и механизмы, не людей. Ему нужны зависимые люди – зависимые до такой степени, чтобы им постоянно было нужно, чтобы их тиранили, зависимые до

такой степени, чтобы они сами искали себе тиранов, своих Адольфов Гитлеров, Муссолини, Йосифов Сталиных и Мао-цзе-Дунов. Эту Землю, эту прекрасную Землю мы превратили в огромную тюрьму. Кучка одержимых властью людей низвела остальное человечество до толпы. Человеку позволено существовать, только если он идет на компромисс со всевозможной чепухой.

Например, говорить ребенку, что Бог существует, это вздор, полный вздор – не потому, что Бога не существует, но потому что ребенок еще не испытал жажды, желания, стремления. Он еще не готов идти на поиски истины, предельной истины жизни. Он еще недостаточно зрел, чтобы исследовать реальность существования. Этому любовному роману еще предстоит однажды случиться, но он может случиться, только если ему не навязано никакое верование. Если он обращен, прежде чем в нем возникла жажда искать, исследовать и знать, вся его жизнь будет прожита фальшиво, он будет жить во лжи.

Да, он будет говорить о Боге, потому что ему сказали, что Бог есть. Ему сказали это авторитетно, и сказали люди, у которых было очень много власти, когда он был маленький, – родители, священники, учителя. Ему сказали, и он принял; это был вопрос его выживания. Он не мог сказать «нет» родителям, потому что без них он бы вообще не смог выжить. Слишком рискованно было сказать «нет», ему пришлось сказать «да». Но это «да» не может быть истинным.

Как оно может быть истинным? Он говорит «да» только по политическим соображениям, чтобы выжить. Вы не превратили его в религиозного человека, вы сделали его дипломатом, вы создали политика. Вы разрушили его потенциал вырасти в подлинное существо. Вы отравили его. Вы разрушили саму возможность его разума, потому что разум возникает только когда возникает жажда знать. Теперь жажда никогда не возникнет, потому что, прежде чем его душой овладел вопрос, ответ был уже предоставлен. Прежде чем он проголодался, еда была навязана его существу. Без голода эта навязанная еда не может перевариться; нет никакого голода, чтобы она могла перевариться. Именно поэтому люди живут как пустые трубы, и жизнь проваливается сквозь них, как непереваренная пища.

С детьми человек должен быть очень терпеливым, очень бдительным, очень сознательным, чтобы не говорить ничего, что может помешать возникнуть их собственному разуму, чтобы не обращать их в христиан, индуистов и мусульман. Человеку нужно безграничное терпение. Однажды происходит чудо, и ребенок сам начинает задаваться вопросами. И даже тогда, – не давайте ему готовых ответов. Готовые ответы никому не помогают; готовые ответы глупы и тупы. Помогите ему стать более разумным. Вместо того, чтобы давать ему ответы, дайте ему ситуации и вызовы, чтобы его разум обострялся, и он спрашивал глубже – чтобы вопрос проникал в само его ядро, чтобы вопрос становился вопросом

жизни и смерти.

Но это не позволено. Родители очень боятся, общество очень боится. Если детям позволить оставаться свободными, кто знает? Они могут никогда не вступить в конгрегацию, к которой принадлежали родители, они могут никогда не прийти в церковь – католическую, протестантскую или вообще какую бы то ни было. Кто знает, что случится, если они станут разумными сами по себе? Тогда они выйдут из-под вашего контроля. А это общество идет глубже и глубже в политику, чтобы контролировать каждого, чтобы захватить душу каждого.

Именно поэтому первым делом они должны разрушить доверие – доверие ребенка к самому себе, уверенность ребенка в самом себе. Они должны сделать его неуверенным и испуганным. Как только он начинает дрожать, его легко контролировать. Если он уверен в себе, его нельзя контролировать. Если он уверен, он утвердит себя, он попытается сделать все по-своему. Он никогда не захочет ничего делать так, как это делает кто-то другой. Он отправится в свое собственное путешествие, он не будет удовлетворять никаких чужих пожеланий. Он никогда не будет подражателем, он никогда не будет тупым и мертвым человеком. Он будет настолько живым, до такой степени пульсирующим жизнью, что никто не сможет его контролировать.

Разружьте его доверие, – и вы его кастрировали. Вы отняли у него силу; теперь он всегда будет бессильным, и ему

всегда будет нужен кто-то, чтобы над ним властвовать, чтобы им командовать, чтобы его направлять. Теперь он будет хорошим солдатом, хорошим гражданином, хорошим националистом, хорошим христианином, хорошим мусульманином, хорошим индуистом.

Да, он будет всем этим, но не будет настоящей индивидуальностью. У него не будет никаких корней, он не будет укорененным в своей жизни. Он будет жить без корней – а жить без корней значит жить в страдании, жить в аду. Как деревьям нужны корни в земле, человек тоже дерево, точно также и ему нужны корни в существовании, или он будет жить очень неразумной жизнью.

Как раз на днях я прочел историю.

Три хирурга, старые друзья, встретились на празднике. Сидя на солнышке на скамейке, они стали хвастаться друг другу. Первый сказал:

– У меня был пациент, который потерял на войне обе ноги. Я сделал ему искусственные ноги, и это было чудо. Теперь он стал одним из лучших мировых бегунов! Очень возможно, что он станет победителем на следующих Олимпийских играх.

Другой сказал:

– Это еще что. Вот у меня была пациентка, которая упала с тридцатого этажа: у нее было совершенно разбито лицо. Я проделал огромную работу по пластической хирургии. И что вы думаете, как раз на днях я увидел в газетах, что она стала

всемирной королевой красоты.

Третий был скромным человеком. Они оба посмотрели на него и сказали:

– А что ты сделал в последнее время? Что у тебя нового?

– Ничего особенного, – сказал он, – и кроме того, мне не разрешается об этом никому рассказывать.

Его коллеги заинтересовались еще больше. Они сказали:

– Мы все друзья, мы умеем хранить секреты. Тебе не о чем беспокоиться, это не просочится наружу.

И он сказал:

– Ладно, если вы обещаете молчать. Ко мне доставили одного человека; он потерял в автомобильной катастрофе голову. Я был в растерянности и не знал, что делать. Я выбежал в сад, чтобы обдумать план операции, и внезапно увидел кочан капусты. Не найдя ничего лучшего, я пересадил кочан капусты на то место, где была его голова. И что вы думаете? Этот человек стал президентом Соединенных Штатов!

Вы можете разрушить ребенка; и все же он может стать президентом Соединенных Штатов. Разум не является необходимым компонентом успеха. Фактически, разумным людям труднее добиться успеха, потому что разумный человек изобретателен. Он всегда опережает свое время; нужно время, чтобы его понять.

Неразумного человека понять легко. Он соответствует гештальту общества; у общества уже есть ценности и критерии, чтобы его судить. Но чтобы оценить гения, обществу

требуются годы.

Я не говорю, что человек, у которого есть разум, не может добиться успеха, не может стать знаменитым – но все же он будет оставаться фальшивым. А это страдание: ты можешь стать знаменитым, но если ты фальшив, ты будешь жить в страдании. Ты не знаешь, какие благословения изливает на тебя жизнь – и никогда не узнаешь. У тебя недостаточно разума, чтобы это узнать. Ты никогда не увидишь красоты существования, потому что у тебя нет чувствительности, чтобы ее узнать. Ты никогда не увидишь сущего чуда, которое окружает тебя, которое каждый день миллионами способов пересекает твой путь. Ты никогда этого не увидишь, потому что, чтобы видеть, тебе понадобится огромная способность понимать, чувствовать, быть.

Это общество – общество, ориентированное на власть. Это общество – совершенно примитивное, совершенно варварское. Немногие люди – политики, священники, профессора – немногие люди властвуют над миллионами. И это общество управляется таким образом, что никакому ребенку не позволено быть разумным. По чистой случайности изредка Гаутама Будда появляется на Земле – по сущей случайности. Каким-то образом, изредка, человек избегает тисков общества. Изредка человек остается не отравленным обществом. Наверное, это происходит благодаря какой-то ошибке, какому-то промаху общества. Обычно общество добивается успеха в том, чтобы разрушить ваши корни, разрушить

ваше доверие к себе. И как только это сделано, вы никогда больше не сможете никому доверять.

Как только ты теряешь способность любить самого себя, ты никогда не сможешь любить никого другого. Это абсолютная истина, в ней нет никаких исключений. Ты можешь любить других, лишь если ты способен любить самого себя. Но общество осуждает любовь к себе. Оно говорит, что это эгоизм, что это нарциссизм.

Да, любовь к себе может стать нарциссичной, но это необязательно так. Она может стать нарциссичной, если она никогда не выходит за пределы самой себя, она может стать своего рода эгоизмом, если она ограничена собой. В противном случае, любовь к себе это начало всякой другой любви.

Человек, который любит самого себя, рано или поздно начинает переполняться любовью. Человек, который доверяет самому себе, не может не доверять другим, даже тем, кто собирается его обмануть, даже тем, кто его уже обманул. Да, он не может не доверять даже им, потому что знает, что доверие ценнее всего на свете.

Ты можешь обмануть человека – но в чем ты можешь его обмануть? Ты можешь отнять у него какие-то деньги или что-нибудь еще. Но человек, который знает красоту доверия, не будет отвлекаться на такие мелочи. Он будет по-прежнему любить тебя, он будет по-прежнему тебе доверять. И тогда происходит чудо: если человек действительно тебе доверяет, невозможно его обмануть, почти невозможно.

Это случается каждый день и в твоей жизни. Когда ты кому-то доверяешь, этому человеку становится невозможно тебя обмануть, одурачить. Сидя на платформе на железнодорожном вокзале, ты не знаешь человека, сидящего рядом с тобой – незнакомец, полный незнакомец, – и ты ему говоришь: «Пожалуйста, присмотри за моим багажом, я должен пойти купить билет. Пожалуйста, позаботься о моем багаже». И уходишь. Ты доверяешь совершенно незнакомому человеку. Он мог бы тебя обмануть, если бы ты не доверился ему.

В доверии есть волшебство. Как он может тебя обмануть, теперь, когда он тебе доверился? Как он может пасть так низко? Если он тебя обманет, он никогда не сможет себе этого простить.

В человеческом сознании есть внутреннее свойство доверять и внушать доверие. Каждый наслаждается, если ему доверяют. Это уважение со стороны другого человека – и когда ты доверяешь незнакомцу, это так еще в большей степени. Нет причины ему доверять, и все же ты ему доверяешь. Ты возводишь человека на такой высокий пьедестал, ты так ценишь этого человека, что почти невозможно, чтобы он пал с этой высоты. И если он падет, он никогда не сможет этого себе простить, ему придется всю жизнь нести груз чувства вины.

Человек, который доверяет себе, узнает, как это красиво – узнает, что чем больше ты доверяешь себе, тем более ты

цветешь; чем более ты в состоянии позволения и расслабления, тем более ты ясен и безмятежен, и тем более ты спокоен, непринужден и тих. И так красиво, что ты начинаешь более и более доверять людям, потому что чем более ты доверяешь, тем более углубляется твое спокойствие, тем глубже и глубже непринужденность движется в ядро твоего существа. И чем более ты доверяешь, тем выше паришь. Человек, который может доверять, рано или поздно узнает логику доверия. И тогда однажды он обязательно попытается довериться неизвестному.

Начни доверять себе – это фундаментальный урок, первый урок. Начни любить себя. Если ты не любишь себя, кто еще будет тебя любить? Но помни, если ты любишь *только* себя, твоя любовь будет очень бедной.

Великий еврейский мистик, Хиллель, сказал:

– Если ты не за себя, кто другой будет за тебя?

И еще:

– Если ты только за себя, может ли быть в твоей жизни какой-то смысл?

Безмерно значительное утверждение. Помните это: люби себя, потому что, если ты не любишь себя, тебя никогда не сможет любить никто другой.

Нельзя любить человека, который ненавидит себя. На этой несчастной Земле почти каждый ненавидит себя, каждый осуждает себя. Как можно любить человека, который осуждает самого себя? Он тебе не поверит. Он не может лю-

бить себя сам – как можешь осмелиться на это ты? Он не может любить себя сам – как ты можешь его любить? Он заподозрит какую-то игру, какой-то трюк, какой-то подвох. Он заподозрит, что ты пытаешься его обмануть под прикрытием любви. Он будет очень осторожным, бдительным, и его подозрение отравит твое существо. Если ты любишь человека, который ненавидит себя, ты пытаешься тем самым разрушить его концепцию самого себя. А никто легко не отбрасывает концепцию самого себя; это его отождествленность. Он будет с тобой бороться, он будет доказывать, что он прав, а ты неправ.

Именно это происходит во всех любовных отношениях – позвольте мне это назвать так называемыми любовными отношениями. Это происходит между каждым мужем и женой, между всеми влюбленными, между каждой мужчиной и каждой женщиной. Как ты можешь разрушить чью-то чужую концепцию его самого? Это его отождествленность, это его эго, и именно таким он себя знает. Если ты это у него отнимешь, он не будет знать, кто он такой. Это слишком рискованно; он не может так легко отбросить свою концепцию. Он будет тебе доказывать, что недостойн любви, что достоин только ненависти. И то же самое с тобой. Ты тоже ненавидишь себя; ты не можешь позволить никому другому себя любить. Каждый раз, когда кто-то приближается к тебе с любящей энергией, ты сжимаешься, хочешь бежать, пугаешься. Ты прекрасно знаешь, что недостойн любви, ты зна-

ешь, что только на поверхности выглядишь таким хорошим, таким красивым; глубоко внутри ты уродлив. И если ты позволишь этому человеку себя любить, рано или поздно – и это будет скорее рано, чем поздно – он узнает, какой ты на самом деле.

Сколько ты сможешь притворяться перед человеком, с которым должен жить в любви? Ты можешь притворяться на рынке, ты можешь притворяться в Клубе Львов и в Ротари-клубе – улыбки, сплошные улыбки. Ты можешь прекрасно играть и представлять роли. Но если ты живешь с женщиной или мужчиной двадцать четыре часа в сутки, так утомительно будет продолжать улыбаться, улыбаться и улыбаться. Тогда улыбка тебя утомит, потому что она фальшива. Это только упражнение губ, и губы устают. Как ты можешь продолжать быть милым? Твоя горечь проступит на поверхность. Поэтому, к тому времени, когда кончается медовый месяц, все кончено. Оба узнали реальность друг друга, оба узнали фальшивость друг друга, оба узнали ложность друг друга.

Человек боится близости. Близость означает, что тебе придется отложить в сторону свою роль. И ты знаешь, кто ты такой – недостойный, просто грязь; именно этому тебя учили с самого начала. Твои родители, учителя, священники, политики – все они тебе говорили, что ты грязь, что ты ничего не стоишь. Никто никогда тебя не принимал. Никто не давал тебе чувства, что ты любим и уважаем, что ты нужен –

что самому этому существованию будет тебя не хватать, что без тебя это существование не будет прежним, что без тебя в нем будет пробел. Без тебя эта Вселенная лишится какой-то поэзии, какой-то красоты: будет не хватать песни, будет не хватать ноты, будет пустой промежуток – никто тебе этого не говорил.

И именно в этом состоит моя работа здесь: разрушить созданное в тебе недоверие к самому себе, разрушить все осуждение, которое было тебе навязано, отнять его у тебя и придать тебе чувство, что ты любим и уважаем, любим существованием. Бог создал тебя, потому что он тебя любит. Он любил тебя настолько, что не смог устоять перед искушением тебя создать.

Когда художник рисует, он рисует, потому что любит. Винсент Ван Гог постоянно рисовал солнце, – всю жизнь, – так он любил солнце. Фактически, именно солнце свело его с ума. Целый год он постоянно стоял и работал под жарким солнцем. Вся его жизнь вращалась вокруг солнца. И в тот день, когда он был удовлетворен, написав картину, которую всегда хотел написать, – чтобы написать эту картину, он написал множество других, но никогда не был ими удовлетворен, – в тот день, когда он был удовлетворен, в тот день, когда он смог сказать: «Да, это то, что я хотел написать», он совершил самоубийство, он сказал: «Моя работа сделана. Я сделал то, за чем пришел. Мое предназначение достигнуто, и теперь жить дальше бессмысленно».

Вся его жизнь была предана определенной картине?.. Наверное, он был безумно влюблен в солнце. Он смотрел на солнце так долго, что это разрушило его глаза, его зрение, это свело его с ума.

Когда поэт пишет песню, это потому, что он ее любит. Бог нарисовал тебя, спел тебя, станцевал тебя. Бог любит тебя! Если ты не видишь никакого смысла в слове «Бог», не волнуйся – назови это существованием, назови это целым. Существование тебя любит, иначе тебя не было бы.

Расслабься в своем существе, тебя лелеет целое. Именно поэтому целое продолжает в тебе дышать, пульсировать. Как только ты начинаешь чувствовать это безмерное уважение, любовь и доверие к тебе целого, ты начинаешь пускать корни в своем существе. Ты будешь доверять себе. И только тогда ты можешь доверять мне, только тогда ты можешь доверять своим друзьям, своим детям, своему мужу, своей жене. Только тогда ты можешь доверять деревьям, животным, звездам и луне. Тогда человек просто живет в доверии. Дело больше не в том, чтобы доверять тому или другому человеку; он просто доверяет. А доверять значит просто быть религиозным.

Именно в этом состоит вся *санньяса*. Санньяса – это значит переделать все, что сделало общество. Не случайно священники против меня, политики против меня, родители против меня, весь установленный порядок против меня; это не случайно. Я абсолютно ясно понимаю эту логику. Я пы-

таюсь переделать все то, что сделали они. Я разрушаю весь образец этого рабского общества.

Мое усилие в том, чтобы создать бунтарей, а начало бунта – это доверие к себе. Если я могу вам помочь доверять себе, – я вам помог. Ничего больше не нужно, все остальное последует само собой.

потому что в мире миллионы людей, которые совершенно слепы к своим обусловленностям, к уродливому бремени, которое им передало старшее поколение. Это так болезненно, что лучше совсем об этом забыть. Но, забыв об этом, ты не сможешь этого удалить.

Забыв о раке, ты не сможешь его оперировать. Не признавая его, удерживая его в темноте, ты подвергаешь себя величайшему и напрасному риску. Опухоль будет продолжать расти. Ей нужна темнота; ей нужно, чтобы ты о ней не знал. Рано или поздно она покроет все твое существо. И за это не будет ответственным никто, кроме тебя самого.

Поэтому, если ты чувствуешь, что только испытываешь проблески, это значит, что в тебе открываются некоторые окна.

«Восприимчивость ощущается как смерть». Вы никогда об этом не думали? Восприимчивость ощущается как смерть – это правда. Восприимчивость ощущается как умирание, потому что восприимчивость выглядит как унижение. Если ты что-то принимаешь, особенно любовь, это значит, что ты нищий. Никто не хочет быть на воспринимающей стороне,

потому что это делает тебя низшим по отношению к дающему. «Восприимчивость ощущается как смерть, и внутри автоматически начинает мигать сигнал тревоги».

Этот «сигнал тревоги» имплантирован в тебя обществом, которое ты всегда чтילה, теми самыми людьми, которые желали тебе добра. И я не говорю, что они преднамеренно пытались тебе повредить. Им причинили вред другие, и они просто передают все то, что получили от своих родителей, от своих учителей, от старшего поколения.

Каждое поколение передает свои болезни новому поколению, и естественно, новое поколение чувствует себя более и более обремененным. Ты наследуешь все суеверные, подавляющие концепции всей истории. Этот «сигнал тревоги» – не что-то тебе принадлежащее. Это твоя обусловленность заставляет мигать «сигнал тревоги». И твое последнее предложение – это только попытка найти рационализацию. Это одна из величайших опасностей, которые каждый должен осознавать.

Не рационализируйте.

Идите к корням каждой проблемы.

Но не находите предлогов, потому что, находя предлоги, вы не сможете удалить корней.

Последнее предложение этого вопроса – рационализация. Может быть, она не смогла увидеть его внутреннего качества. Она говорит: «Помоги! Существование кажется таким громадным».

Теперь она думает, что боится принимать, потому что существование такое громадное, что она боится давать, потому что существование такое громадное. Какой смысл давать океану маленькую, подобную капле любовь? Океан никогда не узнает об этом; поэтому нет смысла давать и нет смысла принимать. Поскольку океан такой громадный, ты в нем утонешь. Поэтому это выглядит как смерть. Но это твоя рационализация.

Ты ничего не знаешь о существовании; ты ничего не знаешь о себе – а это ближайшая к тебе точка существования. И пока ты не начнешь со своего собственного существа, ты никогда не узнаешь существования. Это начальная точка, и все должно начинаться с начала.

Зная себя, ты узнаешь свое существование. Но вкус и аромат твоего существования придадут тебе храбрости, чтобы идти немного глубже в существование других. Если твое собственное существование сделало тебя такой блаженной... естественно стремление войти в другие тайны, которые тебя окружают: тайны человеческих существ, тайны животных, тайны деревьев, тайны звезд.

И как только ты узнала свое существование, ты больше не боишься смерти.

Смерть это вымысел; она не происходит, она только кажется... Кажется снаружи. Видела ли ты когда-нибудь свою собственную смерть? Ты всегда видела, что умирает кто-то другой. Но видела ли ты, как умираешь ты сама? Никто не

видел; иначе даже этот минимум жизни был бы невозможен. Ты видишь, что каждый день кто-то умирает, но это всегда кто-то другой; это никогда не ты.

Поэт, который написал: «Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол; он звонит по тебе», обладает более глубоким пониманием. Наверное, он был христианином, потому что, когда кто-то умирает в христианской деревне, звонит колокол, чтобы сообщить всем – людям, которые пришли в свои дома, в свои сады, людям, которые ушли работать. Колокол звонит, чтобы им напомнить: кто-то умер. И они все возвращаются, чтобы проститься в последний раз.

Этот поэт обладает безмерным прозрением, когда говорит: «Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол; он звонит по тебе».

Но в твоей реальной жизни он никогда не звонит по тебе. Однажды он зазвонит, но тогда тебя больше не будет, чтобы его услышать. Ты никогда не думаешь о себе на пороге смерти – а каждый стоит на пороге. Ты всегда видишь, как умирает кто-то другой – поэтому этот опыт объективен, не субъективен.

Другой на самом деле не умирает, но только меняет дом. Его жизненная сила движется в новую форму, в новый план. Только тело лишается жизненной энергии – но у тела ее никогда и не было.

Это точно так, словно в темном доме горит свеча, и весь дом освещен. Снаружи ты видишь свет из дверей и окон, но

свет не свойствен неотъемлемо самому дому. В то мгновение, как свеча догорает в доме, в нем становится темно. Фактически, в нем всегда было темно; светом была именно свеча.

Твое тело уже мертво. То, что дает ощущение, что оно живо – это твоя жизненная сила, твое существо, излучающееся из тела, наполняющее тело жизнью. Все, что ты видишь, когда люди умирают – это что-то что-то исчезло. Ты не знаешь, куда оно ушло – ушло ли куда-нибудь, или просто прекратилось. Снаружи создается вымысел смерти.

Те, кто узнал себя, знают без всякого сомнения, что они вечные существа. Они умирали много раз, но все же они живы.

Смерть и рождение – это лишь небольшие эпизоды в великом паломничестве души. Твой страх смерти исчезает тотчас же, в то мгновение, когда ты приходишь в контакт с собой. И это открывает совершенно новое небо, которое можно исследовать. Как только ты знаешь, что смерти нет, весь страх исчезает. Страх – страх неизвестного, страх темного... в какой бы то ни было форме, страх исчезает. Впервые ты становишься настоящим искателем приключений. Ты начинаешь двигаться в окружающие тебя тайны.

Существование впервые становится твоим домом.

Бояться нечего: это твоя мать, ты его часть. Оно не может тебя утопить, оно не может тебя разрушить.

Чем более ты его знаешь, тем более чувствуешь, что оно

тебя питает; чем более ты его знаешь, тем более чувствуешь себя блаженным; чем более ты его знаешь, тем более *есть*. И тогда ты можешь отдавать любовь, потому что она у тебя есть. И тогда ты можешь принимать любовь, потому что нет речи о боязни быть отвергнутым.

Твой вопрос будет полезен для каждого. Я благодарю тебя за твой вопрос и за храбрость обнажить себя. Эта храбрость нужна каждому из вас, потому что без храбрости вы не можете надеяться ни на какую возможность трансформации – в новый мир, в новое сознание, в ваше подлинное существо, которое становится дверью к предельной реальности и предельному благословию.

Каков настоящий ответ, как жить в близости?

Чтобы знать существование, тебе нужно быть в существе. Ты не в существе, ты живешь в мыслях. Ты живешь в прошлом, в будущем, но никогда не здесь и сейчас. А существование прямо здесь и сейчас. Ты не здесь, поэтому возникает вопрос. Вопрос возникает, потому что ты не встречаешься с существованием. Ты думаешь, что живешь, но не живешь. Ты думаешь, что любишь, но не любишь. Ты только думаешь о любви, думаешь о жизни, думаешь о существовании, и само это думание – вопрос, само это думание – преграда. Отбрось все мысли и будь. Ты не найдешь ни одного вопроса; существует только ответ.

Именно поэтому я снова и снова настаиваю, что поиск – на самом деле не поиск ответа, поиск – это на самом деле

не стремление к тому, чтобы получить ответы на вопросы. Нет, поиск только в том, как отбросить вопросы, как увидеть жизнь и существование не задающим вопросов умом. В этом значение *шраддхи*, доверия. Это глубочайшее измерение *шраддхи*, или доверия – смотреть на существование с не задающим вопросов умом.

Ты просто смотришь. Ты не имеешь представления о том, как нужно на него смотреть, не навязываешь ему никакой формы, у тебя нет никакого предубеждения; ты просто смотришь обнаженными глазами, абсолютно не закрытыми никакими мыслями, никакими философиями, никакими религиями. Ты смотришь на существование глазами маленького ребенка, и тогда внезапно есть только ответ.

В существовании нет вопросов. Вопросы исходят от тебя. И они будут продолжать появляться, и ты можешь накапливать сколько угодно ответов, но эти ответы не помогут. Ты должен достичь своего ответа, а чтобы достичь ответа, ты должен отбросить все знание. Когда в уме нет вопроса, и видение ясно, у тебя есть ясность восприятия; двери восприятия чисты и открыты, и все внезапно становится прозрачным. Ты можешь пойти в самую глубину. Куда бы ты ни смотрел, твой взгляд проникает до глубочайшего ядра, и там внезапно ты находишь себя.

Ты находишь себя везде. Ты находишь себя в скале, если посмотришь глубоко, достаточно глубоко. Тогда смотрящий, наблюдающий, видящий станет видимым, знающий станет

знаемым. Если ты посмотришь достаточно глубоко на скалу, дерево, или мужчину, или женщину, если ты посмотришь достаточно глубоко, этот взгляд – круг. Он начинается с тебя, проходит через другого и возвращается к тебе. Все так прозрачно. Ничто не препятствует. Луч уходит, становится кругом и возвращается к тебе.

Это подразумевает одно из великих тайных изречений Упанишад: *Тат Твамаси Светакету* – «Ты есть это», или «Ты есть то». Круг завершен. Теперь преданный един с Богом. Теперь ищущий един с искомым. Теперь задающий вопросы сам становится ответом.

В существовании нет никакого вопроса. Теперь я прожил в нем достаточно долго, и мне не встретилось ни одного вопроса, ни тени вопроса. Человек просто проживает существование.

Тогда в жизни есть собственная красота. Никаких сомнений не возникает в уме, и тебя не окружают никакие подозрения, и никаких вопросов нет внутри твоего существа – ты неразделенный, целый.

Близость с другими: следующие шаги

Когда двое влюбленных действительно открыты друг другу, когда они не боятся друг друга и не прячутся друг от друга... это близость. Когда они могут сказать друг другу что угодно без всякого страха, что другой будет обижен или оскорблен... Если влюбленный думает, что другой будет оскорблен, близость еще недостаточно глубока. Это своего рода искусственное построение, которое может разрушить что угодно. Но когда двое влюбленных начинают чувствовать, что прятать нечего, и сказать можно все, и доверие достигает такой глубины, что даже если ты ничего не скажешь, другой это узнает, – они начинают сливаться воедино.

Будь увиденным

Жизнь – это паломничество, и пока не достигнута любовь, она остается паломничеством, никогда никуда не прибывая. Она продолжает двигаться по кругу, и никогда не приходит мгновение осуществленности, когда человек может сказать: «Я прибыл. Я стал тем, за чем пришел. Семя осуществлено в цветах». Любовь – это цель, жизнь – это путешествие. Путешествие без цели обязательно будет невротичным путешествием наугад; у него не будет никакого направления.

Один день ты идешь на север, другой день на юг; все остается случайным, что угодно может привести тебя куда угодно. Ты остаешься бревном, плывущим по реке, пока цель не ясна. Она может быть очень дальней звездой, это не имеет никакого значения, но она должна быть ясной. Отдаленная... – если она далека, ничего страшного, но она должна вообще быть.

Если твои глаза могут оставаться сфокусированными на ней, тогда путешествие в десять тысяч миль – недолгое путешествие. Если ты движешься в правильном направлении, тогда самое долгое путешествие – не проблема. Но если ты движешься в неправильном направлении, или не движешься вообще ни в каком направлении, тогда жизнь начинает разваливаться на части. Именно это и есть невроз – когда энергия разваливается, не зная, куда идти, что делать, кем быть. Незнание, куда идти, незнание, что такое жизнь вообще, оставляет внутри зазор, рану, черную дыру, и из нее будет возникать постоянный страх. Именно поэтому люди живут, дрожа. Они могут это скрывать, они могут это прятать, они могут этого никому не показывать, но они живут в страхе. Именно поэтому люди так боятся близости с кем-то – другой может увидеть черную дыру у тебя внутри, если ты позволишь ему слишком много близости.

Слово близость, *интимность*, происходит от латинского корня, *intimum*. *Intimum* означает внутреннее, глубочайшее внутреннее ядро. Если у тебя ничего там нет, ты ни с кем

не можешь быть близким. Ты не можешь позволить *intimum*, близость, потому что другие увидят дыру, рану и сочащийся из нее гной. Они увидят, что ты не знаешь, кто ты такой, что ты сумасшедший, что ты не знаешь, куда идешь... Что ты даже не слышал своей собственной песни, что твоя жизнь – хаос, не космос. Поэтому близость пугает.

Даже любовники редко бывают близкими. И просто иметь сексуальные отношения не значит быть в близости – генитальный оргазм это не все, что есть в близости, это только ее периферия. Близость может быть с ним, может быть без него. Близость это совершенно другое измерение... это значит позволить другому войти в тебя, увидеть тебя таким, как ты видишь себя – позволить другому увидеть тебя изнутри, пригласить кого-то в глубочайшее ядро твоего существа. В современном мире близость исчезает. Даже любовники не близки. Дружба это только слово, она исчезла. А причина? Причина в том, что поделиться нечем. Кто захочет показывать свою внутреннюю бедность? Человеку хочется притворяться: «Я богат, я прибыл, я знаю, что делаю, я знаю, куда иду».

Человек не готов и недостаточно храбр, чтобы открыться, чтобы показать свой внутренний хаос и быть уязвимым. Другой может этим воспользоваться; это пугает. Другой может получить слишком много власти, увидев, что ты в хаосе. Видя, что тебе нужен хозяин, что ты не хозяин собственного существа, другой может стать хозяином. Поэтому каж-

дый пытается себя защитить, чтобы никто не узнал его внутренней беспомощности; иначе его можно эксплуатировать. В этом мире столько эксплуатации.

Любовь – это цель. И как только цель ясна, ты начинаешь растить внутреннее богатство. Рана исчезает и становится лотосом; рана трансформируется в лотос. Это чудо любви, волшебство любви. Любовь – величайшая в мире алхимическая сила. Те, кто знает, как ее использовать, могут достичь высочайшего пика, называемого Богом. Те, кто не знает, как ее использовать, останутся ползать в темных углах существования; они никогда не придут к освещенным солнцем вершинам жизни.

Необходимость в уединении

У существа есть две стороны, внешняя и внутренняя. Внешняя сторона может быть публичной, – но не внутренняя. Если ты сделаешь внутреннее публичным, ты потеряешь душу, потеряешь оригинальное лицо. Тогда ты будешь жить так, словно у тебя нет внутреннего существа. Жизнь будет тусклой, тщетной. Это случается с людьми, которые ведут публичный образ жизни – с политиками, с актерами фильмов. Они становятся общественными, они совершенно теряют внутреннее существо; они не знают о себе ничего, кроме того, что говорит о них публика. Они зависят от мнений других, у них нет ощущения своего собственного суще-

ства.

Одна из величайших актрис, Мэрилин Монро, совершила самоубийство, и психоаналитики размышляли над тем, почему это произошло. Она была одной из самых красивых женщин из когда-либо живших, одной из самых преуспевающих. Даже президент Америки, Кеннеди, был в нее влюблен, и ее любили миллионы людей. Трудно себе представить, чтобы у кого-то было что-то большее. У нее было все.

Но она была публичным человеком и знала это. Даже в бу-дуаре, когда приходил президент Кеннеди, она называла его «Мистер Президент» – как будто человек занимается любовью не с человеком, а с организацией.

Она была организацией. Мало-помалу она осознала, что у нее нет ничего личного. Однажды она позировала для эротического календаря, и кто-то ее спросил:

– На вас что-нибудь было, когда вы позировали для календаря?

Она сказала:

– Да: было включено радио³.

Обнаженная, голая, никакого личного «я»... У меня такое ощущение, что она совершила самоубийство, потому что это было единственным, что у нее осталось, что она могла сделать частным образом. Все было публичным; это было единственным, что она могла сделать сама по себе, одна, что-то

³ Игра слов: фраза «Did you have anything on?» может значить: 1) «Была ли на вас одежда?», и 2) «Было ли у вас что-нибудь включено?»

абсолютно интимное и тайное. Общественные фигуры всегда подвергаются искушению совершить самоубийство, потому что только в самоубийстве они могут получить проблеск того, кто они такие.

Все, что красиво – внутренне, а внутреннее означает уединение. Вы не наблюдали, как женщина занимается любовью? Она всегда закрывает глаза. Она что-то знает. Мужчина занимается любовью с открытыми глазами; он продолжает наблюдать. Он не полностью в действии; он в этом не тотально. Он остается наблюдателем, словно кто-то другой занимается любовью, а он наблюдает, как будто секс происходит на экране телевизора или в фильме. Но женщина знает лучше, потому что она тонко настроена на внутреннее. Она всегда закрывает глаза. Тогда у любви действительно другой аромат.

Сделай одно: однажды включи воду в ванной, потом включи и выключи свет. Когда будет темно, ты услышишь звук бегущей воды более ясно, звук будет острее. Когда свет включен, звук будет не таким острым. Что происходит в темноте? В темноте все остальное исчезает, потому что ты не можешь видеть. Есть только ты и звук. Именно поэтому все хорошие рестораны избегают света, резкого света. Они освещены свечами. Когда ресторан освещен свечами, вкус глубже – и ты ешь хорошо и лучше чувствуешь вкус. Тебя окружает аромат. На ярком свете не было бы такого ощущения вкуса. Глаза делают все публичным.

В первом предложении своей «Метафизики» Аристотель

говорит, что зрение – это высший орган чувств человека. Это не так – фактически, зрение получило слишком много власти. Оно монополизировало всю систему и разрушило другие органы чувств. Его мастер, – мастер Аристотеля, – Платон, говорит, что есть иерархия чувств – зрение наверху, осязание внизу. Он абсолютно неправ. Нет никакой иерархии. Все органы чувств находятся на одном и том же уровне, и не должно быть никакой иерархии.

Но ты живешь глазами: восемьдесят процентов твоей жизни ориентировано на глаза. Так не должно быть; должно быть восстановлено равновесие. Ты должен также и касаться, потому что прикосновение дает что-то такое, чего не могут дать глаза. Но попытайся коснуться женщины, которую ты любишь, или мужчины, которого ты любишь, в ярком свете, потом прикоснись в темноте. В темноте тело открывает себя, в ярком свете – прячется.

Вы видели женские тела, написанные Ренуаром? В них есть что-то чудесное. Многие художники писали женское тело, но ни один из них не сравнится с Ренуаром. В чем разница? Другие художники писали женское тело таким, как оно выглядит для глаз. Ренуар написал его таким, каким его чувствуют руки, и в этих картинах есть тепло и близость, жизнь.

Когда ты касаешься, что-то происходит очень близко. Когда ты видишь, что-то происходит далеко. В темноте, в тайне, в уединении открывается что-то такое, что не может открыться посреди дороги, на рынке. Другие видят и наблюда-

ют; что-то глубоко внутри тебя сжимается, оно не может расцвести. Это все равно что положить семена на открытую поверхность, чтобы все могли их видеть. Они никогда не прорастут. Их нужно бросить глубоко в утробу земли, в глубокую темноту, где их никто не может увидеть, и там они начнут прорастать, и родится огромное дерево.

Как семенам нужна темнота и уединение земли, точно также все отношения, которые глубоки и близки, остаются внутренними. Им нужно уединение, им нужно место, где существуют только двое. Тогда приходит мгновение, когда даже двое растворяются, и существует только одно.

Двое влюбленных, глубоко снастроенных друг с другом, растворяются. Остается лишь одно. Они дышат вместе, они вместе; существует единение. Это не было бы возможно, если бы были наблюдатели. Они никогда не смогли бы позволить это, если бы за ними наблюдали другие. Сами глаза других стали бы преградой. Поэтому все, что красиво, все, что глубоко, происходит в темноте.

В человеческих отношениях нужно уединение. Есть свои причины для того, чтобы это оставалось тайной. Помни это, и всегда помни, что ведешь себя очень глупо в жизни, если становишься совершенно публичным. Это так, словно кто-то вывернул карманы наизнанку. Это твоя форма – карманы, вывернутые наизнанку. Нет ничего плохого в том, чтобы идти наружу, но помни, это только часть жизни. Это не должно становиться всей жизнью.

Я не говорю, что вы должны всегда двигаться в темноте. В свете есть своя собственная красота и собственные причины. Если семя остается в темноте навечно, и никогда не выйдет наружу, чтобы утром приветствовать солнце, оно будет мертвым. Оно должно идти в темноту, чтобы прорасти, набраться энергии, стать сильным, родиться заново, и тогда оно должно выйти наружу и лицом к лицу встретить мир, и свет, и бурю, и дожди. Оно должно принять вызов выйти наружу. Но этот вызов можно принять, только если ты глубоко укоренен внутри.

Я не говорю, что вы должны стать эскапистами. Я не говорю закрыть глаза, идти вовнутрь и никогда не выходить наружу. Я просто говорю идти вовнутрь, чтобы вы могли выйти наружу с энергией, с любовью, с состраданием. Иди вовнутрь, чтобы, когда ты выходишь наружу, ты выходишь не как нищий, а как король. Иди вовнутрь, чтобы, когда ты выходишь наружу, тебе было чем поделиться – цветы, листья. Иди вовнутрь, чтобы выход наружу был богаче, не беднее. И всегда помни, когда бы ты ни почувствовал себя истощенным, что источник энергии – внутри. Закрой глаза и иди вовнутрь.

Заводи внешние отношения, заводи и внутренние отношения. Конечно, обязательно будут внешние отношения – ты движешься в мире, будут деловые отношения – но они не должны быть всем. Они играют свою роль, но должно быть что-то абсолютно тайное и личное, что-то, что ты можешь

назвать своим собственным.

Именно этого не доставало Мэрилин Монро. Она была публичным человеком, успешным, но потерпевшим полное поражение. Когда она была на вершине своего успеха и славы, она совершила самоубийство. Почему она совершила самоубийство, осталось загадкой. У нее было все, ради чего стоит жить; нельзя представить себе больше славы, больше успеха, больше харизмы, красоты, здоровья. У нее было все, лучше было некуда, но все же чего-то не хватало. Не было своего мира внутри. Тогда единственный выход – самоубийство.

Может быть, ты не настолько храбр, как Мэрилин Монро, чтобы совершить самоубийство. Может быть, ты очень труслив, и совершаешь самоубийство очень медленно – может быть, у тебя оно занимает семьдесят лет – но все же это самоубийство. Пока у тебя внутри нет ничего такого, что не зависит ни от чего внешнего и просто остается твоим собственным, – мир, твое собственное пространство, где ты можешь закрыть глаза и двигаться, где ты можешь забыть, что что-то вообще существует, – ты будешь совершать самоубийство.

Жизнь возникает из внутреннего источника и распространяется в небо снаружи. Должно быть равновесие, я всегда за равновесие. Поэтому я не говорю, что твоя жизнь должна быть открытой книгой, нет. Некоторые главы открыты хорошо. А некоторые главы совершенно закрыты, полная тайна. Если ты просто открытая книга, ты будешь проституткой, ты

будешь просто стоять среди рынка голым, с включенным радио. Нет, это не подойдет.

Если вся твоя книга открыта, ты будешь просто днем без ночи, просто летом без зимы. Где ты будешь отдыхать, где будет твой центр, где ты будешь искать убежища? Куда ты будешь двигаться, когда устанешь от мира? Где ты будешь молиться и медитировать? Нет, пополам – вот совершенная пропорция. Пусть твоя книга будет открытой наполовину – открытой для всех, доступной для каждого – и пусть другая половина книги будет тайной, в которую допускаются лишь редкие гости.

Лишь изредка кому-то разрешается двигаться в твоём храме. Именно так и должно быть. Если толпа постоянно ходит туда-сюда, тогда храм больше не храм. Он станет залом ожидания в аэропорту, но не сможет быть храмом. Только изредка, очень редко, ты позволяешь кому-то в себя войти. Именно это и есть любовь.

Мы всегда жили с другими. С того момента, как ребенок покидает утробу матери, он никогда не один – он с матерью, с семьёй, с друзьями, с людьми. Круг знакомых, друзей, отношений продолжает становиться больше и больше, и вокруг него собирается толпа. Именно это мы называем жизнью. И чем больше в твоей жизни людей, тем более ты думаешь, что живешь богатой жизнью.

Когда ты начинаешь двигаться вовнутрь, все эти лица меркнут, вся эта толпа рассеивается. Тебе приходится по-

прощаться со всеми: даже с ближайшим другом, даже с возлюбленным тебе приходится проститься. Приходит момент, когда даже возлюбленный не может быть с тобой. Это мгновение, когда ты сноваходишь в то же состояние, в котором был в утробе матери. Но тогда ты не был знаком с толпой, поэтому никогда не чувствовал себя одиноко. Ребенок совершенно счастлив в материнском чреве, потому что у него нет никакого сравнения, и ему все в радость. Поскольку он никогда не знал ничего другого, он не чувствовал себя одиноко, не чувствовал, что он один – у него не было понятия об этом. Это было единственной реальностью, которую он знал.

Но теперь ты узнал толпу, отношения, радости и страдания отношений, и есть то и другое. Когда ты снова движешься вовнутрь, мир начинает исчезать, становится словно эхо, и вскоре даже эхо исчезает, и человек совершенно теряется. Но это только интерпретация. Если ты можешь пойти немного дальше, внезапно ты найдешь себя – и найдешь себя впервые. Тогда ты будешь удивлен: ты терялся в толпе; теперь ты не потерян. Ты терялся в этих джунглях отношений, а теперь пришел домой. Тогда ты можешь снова вернуться в мир, но ты будешь совершенно другим человеком.

Ты будешь общаться, но не будешь зависеть; ты будешь любить, но твоя любовь не будет потребностью. Ты будешь любить, но не будешь владеть; ты будешь любить, но не будешь ревновать. А когда любовь лишена ревности, лишена чувства собственности, она божественна. Ты будешь с

людьми. Фактически, ты будешь с людьми только теперь, потому что теперь ты есть; теперь ты можешь быть с людьми. Сначала тебя не было, поэтому вся идея о том, чтобы быть с людьми, была просто иллюзией, своего рода сном.

Если тебя нет, как ты можешь общаться? Если тебя нет, как ты можешь быть с кем-то другим? Это только вымысел, который мы создаем; это самообман.

Пока ты не центрирован, пока ты не знаешь, кто ты такой, ты не можешь по-настоящему общаться. Все отношения, продолжающиеся без знания себя, – только иллюзия. Другой думает, что общается с тобой, ты думаешь, что общаешься с ним; ни ты не знаешь себя, ни он. Кто с кем общается? Никого нет! Только две тени играют в игру. И оба они – тени, поэтому в отношениях нет ничего вещественного. Они общаются, потому что боятся, что если не будут общаться, то упадут в одиночество и потеряются, поэтому они снова и снова прыгают в отношения. Любые отношения лучше отсутствия отношений; даже враждебность приемлема; по крайней мере, человек чувствует себя занятым. Ваша так называемая любовь – это не что иное как вид враждебности, вежливый способ ссориться, бороться, властвовать, цивилизованный способ мучить друг друга, пилить.

Поэтому ты должен идти в это пространство. Наберись храбрости и иди в него. Даже если оно очень печально и очень одиноко, не о чем беспокоиться; мы должны заплатить эту цену. И как только ты достигаешь своего источника, все

совершенно меняется, и ты выходишь из него индивидуальностью. Вот различие, которое я делаю между индивидуальностью и личностью: личность это ложное явление, индивидуальность – реальное. Личности, персональности – это маски, тени; индивидуальность – вещественна, реальна. И только индивидуальности могут общаться, могут любить – личности могут только играть в игры.

Бытие вместе, не связь

Любовь – это состояние сознания, когда ты радостен, когда в твоём существе есть танец. Что-то начинает вибрировать, светиться из самого центра; что-то начинает пульсировать вокруг тебя. Это начинает достигать других людей: это может достичь женщин, достичь мужчин, это может достичь скал, деревьев и звезд.

Когда я говорю о любви, я говорю об этой любви: о любви, которая не связь, а состояние существа. Всегда помните: когда я использую слово «любовь», я подразумеваю состояние существа, не связь. Связь это очень небольшой ее аспект. Но ваше представление о любви это в основе своей связь, как будто больше ничего нет.

Связь нужна только потому, что ты не можешь быть один, потому что ты еще не способен к медитации. Поэтому медитация необходима, прежде чем ты можешь действительно любить. Человек должен быть способен оставаться один, со-

вершенно один, и все же безмерно блаженным. Тогда ты можешь любить. Тогда ты любишь больше не из потребности; тогда ты делишься, это больше не недостаточность. Ты не станешь зависимым от людей, которых любишь. Ты будешь делиться – и делиться красиво.

Но вот что обычно происходит в мире: у тебя нет любви, у человека, которого ты думаешь, что любишь, тоже нет в существе никакой любви, и оба вы просите любви друг у друга. Двое нищих просят друг у друга милостыню! Отсюда борьба, конфликт, постоянные ссоры между влюбленными – о пустяках, о несущественных вещах, о глупостях! – но они постоянно ссорятся.

Основа этих ссор в том, что муж думает, что не получает то, на что имеет право, и жена думает, что она не получает то, на что имеет право. Жена думает, что ее обманули, а муж считает обманутым себя. Где же любовь? Никто не беспокоится о том, чтобы отдавать, каждый хочет получить. И когда каждый хочет получать, никто ничего не получает, и каждый чувствует растерянность, пустоту, напряжение.

Самого основания не хватает, а ты начинаешь строить храм без основания. Он может упасть и развалиться в любой момент. И ты знаешь, что много раз твоя любовь разваливалась, и все же продолжаешь снова и снова делать то же самое.

Ты живешь в такой неосознанности! Ты не видишь, что делаешь со своей жизнью и жизнью других. Ты живешь механически, подобно роботу, повторяя старый образец, пре-

красно зная, что делал это и раньше. И ты знаешь, какой всегда был результат, и глубоко внутри ты настороже, ожидая, что опять повторится то же самое – потому что ничего не изменилось. Ты готовишься к тому же заключению, к той же катастрофе.

Если ты можешь чему-то научиться из поражений любви, это – стать более осознанным, стать более медитативным. И под медитацией я подразумеваю способность быть радостным в одиночестве. Очень редкие люди способны быть блаженными совершенно без причины – просто сидя в молчании и чувствуя блаженство! Другие считают их сумасшедшими, потому что представление о счастье таково, что оно должно приходиться от кого-то другого. Ты встречаешь красивую женщину, и ты счастлив, ты встречаешь красивого мужчину, и ты счастлива. Сидя в молчании в своей комнате, и в таком блаженстве, вне себя от блаженства?.. Наверное, ты сумасшедший или что-то в этом роде! Люди заподозрят, что ты принял какой-то наркотик, что ты пьян.

Да, медитация – это предельное ЛСД! Она высвобождает твои психоделические силы. Она высвобождает твое порабощенное великолепие. И ты становишься таким радостным, и такое празднование возникает у тебя в существе, что тебе не нужна никакой связи. В то же время ты можешь быть с людьми... в этом разница между бытием вместе и связью.

Связь это вещь: ты к ней цепляешься. Бытие вместе это поток, движение, процесс. Ты встречаешь человека, ты лю-

блещущий, потому что у тебя есть столько любви, чтобы отдавать – и чем больше ты отдаешь, тем больше у тебя есть. Как только ты понимаешь эту странную арифметику любви: чем больше ты отдаешь, тем больше у тебя есть... Это прямо противоположно экономическим законам, которые действуют во внешнем мире. Как только ты это узнал, если ты хочешь больше любви и больше радости, отдавай и делись, просто делись. И кто бы тебе ни позволил поделиться с ним или с ней радостью, будь им благодарен. Но это не связь; это подобный реке поток.

Река течет мимо дерева, здороваается, питает дерево, дает дереву воду... и движется дальше, танцует дальше. Она не цепляется за дерево. И дерево не говорит: «Что ты делаешь? Мы женаты! И прежде чем меня покинуть, нужно развестись, разойтись! Куда ты? И если ты собиралась меня покинуть, почему ты так красиво танцевала вокруг меня? Почему, прежде всего, ты меня питала?» Нет, дерево осыпает реку цветами в глубокой благодарности, и река движется дальше. И дерево отдает свой аромат ветру.

Это бытие вместе. Если человечество когда-нибудь станет взрослым, зрелым, таким будет путь любви: люди встречаются, делятся, движутся – с не-владеющим качеством, с не-властвующим качеством. Иначе любовь становится путешествием власти.

Риски быть настоящим

Никакие отношения не могут действительно расти, если вы не даете себе воли. Если вы продолжаете хитрить, ограждать себя и защищаться, встречаются только личности, а существенные центры остаются в одиночестве. Тогда общается только маска, не ты. Когда происходит такая вещь, в отношениях находятся четыре человека, не два. Две ложные личности продолжают встречаться, и два настоящих человека остаются отдельными мирами.

Это рискованно – если ты будешь настоящим, никто не знает, смогут ли эти отношения выдержать истину, подлинность; окажутся ли эти отношения достаточно крепкими, чтобы выстоять в бурю. Есть риск, и из-за этого люди тратят очень, очень много сил на самозащиту. Они говорят вещи, которые нужно говорить, они делают вещи, которые нужно делать; любовь становится чем-то подобным долгу. Но тогда реальность остается голодной, существо не получает питания. И существо становится печальнее и печальнее. Ложь личности это очень тяжелое бремя на существе, на душе. Этот риск реален, и ничего нельзя гарантировать, но я вам скажу, что рискнуть стоит.

Самое большее, отношения могут порваться – самое большее. Но лучше расстаться и быть настоящими, чем оставаться ненастоящими вместе, потому что это никогда не прине-

сет удовлетворения. Это никогда не создаст благословения. Ты останешься голодным и жаждущим и будешь продолжать тащиться по жизни, просто надеясь на чудо.

Чтобы случилось чудо, тебе придется что-то сделать, и вот что это – начни быть настоящим. И опасность в том, что, может быть, отношения недостаточно крепки, и они могут не выдержать, – истина может оказаться слишком трудной, невыносимой, – но тогда эти отношения ничего не стоят. Это испытание нужно пройти.

Рискни всем ради истины; иначе ты будешь оставаться неудовлетворенным. Ты будешь делать многие вещи, но на самом деле с тобой ничего не случится. Ты будешь много двигаться, но никогда никуда не придешь. Весь эффект будет почти абсурдным. Это все равно что ты голоден и воображаешь еду – прекрасную, вкусную. Но фантазия есть фантазия, это не реальность. Нельзя есть нереальную еду. На мгновение ты можешь себя обмануть, можешь жить в мире сновидений, но сон ничего тебе не даст. Он многое у тебя отнимет и ничего не даст взамен.

Время, которое ты тратишь, используя ложную личность, просто тратится впустую; оно никогда больше к тебе не вернется. Те же мгновения могли быть реальными, подлинными. Одно-единственное мгновение подлинности лучше, чем вся жизнь фальши. Поэтому не бойся. Ум скажет тебе продолжать охранять другого и себя, оставаться в безопасности. Именно так живут миллионы людей.

Фрейд в свои последние дни написал письмо другу, в котором говорит, что, насколько он заметил... – а он наблюдал действительно так глубоко, так пронизательно, так последовательно и научно... Он говорит в этом письме, что насколько он заметил, одно заключение кажется абсолютно определенным: что люди не могут жить без лжи. Истина опасна. Ложь очень сладка, но нереальна. Вкусно! Ты продолжаешь говорить милый вздор своему любимому, и он продолжает шептать тебе на ухо сладкий – но – вздор. А тем временем жизнь продолжает выскользывать у тебя из рук, и каждый подходит все ближе и ближе к смерти.

Прежде чем придет смерть, помни одно: любовь нужно прожить прежде, чем случится смерть. Иначе ты живешь напрасно, и вся твоя жизнь будет тщетной, пустыней. Прежде чем придет смерть, убедись, что случилась любовь. Но это возможно только с истиной. Поэтому будь истинным. Рискуй всем ради истины, и никогда не рискуй истиной ради чего-то другого. Пусть это будет фундаментальным законом: даже если я должен пожертвовать собой, своей жизнью, я пожертвую ею ради истины, но истиной я никогда не пожертвую. И ты станешь безмерно счастлив, и на тебя изольются несказанные благословения.

Как только ты становишься истинным, все остальное становится возможным. Если ты ложен – просто фасад, нарисованная вещь, маска – ничто не возможно. Потому что с ложным происходит только ложное, а с истинным – истина.

Я понимаю проблему, это проблема всех влюбленных – глубоко внутри они боятся. Они не знают, достаточно ли сильна связь, чтобы выдержать истину. Но как можно знать заранее? Нет никакого предварительного знания. Чтобы это узнать, нужно в это войти. Как ты можешь узнать, сидя в доме, сможешь ли ты выдержать бурю, бушующую снаружи? Ты никогда не переживал бури. Пойди и посмотри! Метод проб и ошибок – единственный. Пойди и посмотри – может быть, ты будешь побежден, но даже в поражении ты станешь сильнее, чем сейчас.

Если один опыт тебя побеждает, и еще один, и еще один, мало-помалу буря делает тебя сильнее, сильнее и сильнее. Приходит день, когда человек просто радуется буре, просто начинает танцевать в бурю. Тогда буря не враг – это тоже возможность, дикая возможность быть.

Помни, происшествие существа никогда не удобно, иначе оно случилось бы со всеми. Помни, существо не может случиться в удобстве, иначе у каждого было бы существо, без всяких проблем. Существо случается только когда ты рискуешь, когда ты движешься в опасность. А любовь – величайшая из всех возможных опасностей. Она требует от тебя тотальности.

Не бойся, иди в нее. Если связь переживет истину, она будет красивой. Если она умрет, и тогда это хорошо, потому что одна фальшивая связь кончилась, и теперь ты будешь более способен двигаться в другую связь, более истинную,

более существенную, более касающуюся существа.

Но всегда помни, фальшь никогда не окупается; так кажется, но она никогда не окупается. Только истина – поначалу истина никогда не выглядит так, словно она окупится. Кажется, она разобьет все. Если ты посмотришь снаружи, истина выглядит очень опасной, ужасной. Но это вид снаружи. Если ты пойдешь вовнутрь, истина – единственное, что красиво. И как только ты начнешь ее лелеять, испытаешь ее вкус, ты потребуешь больше и больше, потому что она принесет удовлетворенность.

Ты не замечал? Легче быть настоящим с незнакомыми людьми. Незнакомые люди, путешествующие в поезде, начинают разговаривать, и они говорят вещи, которых никогда не рассказывают друзьям, потому что с незнакомым человеком нет никакой вовлеченности. Через полчаса будет твоя станция, и ты выйдешь; ты забудешь, и он забудет, что ты сказал. Поэтому не имеет значения, что ты говоришь. С незнакомцем на карту не поставлено ничего.

В разговоре с незнакомыми людьми люди истиннее, они открывают свое сердце. Но с друзьями, с родственниками – с отцом, с матерью, женой, мужем, братом, сестрой – есть глубокое бессознательное ограничение. «Не говори этого, он может обидеться. Не говори то, ему это не понравится. Не веди себя таким образом, отец старый, его это может шокировать». Человек продолжает себя контролировать. Мало-помалу истина отбрасывается в подвал твоего существа, и ты

становишься очень хитрым и коварным с неистинным. Ты продолжаешь улыбаться фальшивой улыбкой, которая просто нарисована у тебя на губах. Ты продолжаешь говорить хорошие вещи, ничего под ними не подразумевая. Тебе становится скучно с другом или с отцом, но ты продолжаешь говорить: «Я так рад тебя видеть!» А все твое существо говорит: «Оставь же меня в покое!» Но вербально ты продолжаешь притворяться. И они делают то же самое; никто этого не осознает, потому что мы все движемся в одной лодке.

Религиозный человек это тот, кто выходит из этой лодки и рискует своей жизнью. Он говорит: «Я хочу быть либо настоящим, либо вообще не быть. Но я не собираюсь быть фальшивым».

Что бы ни было поставлено на карту, попытайся, но не продолжай двигаться фальшиво. Связь может быть достаточно сильной. Она может выдержать истину. Тогда это очень, очень красиво. Если ты не можешь быть настоящим с человеком, которого любишь, с кем тогда ты будешь настоящим? Где? Если ты не можешь быть настоящим с человеком, который, как ты думаешь, любит тебя – если ты боишься даже с ним открыть истину и быть совершенно духовно обнаженным, если даже с ним ты прячешься – где тогда ты найдешь место и пространство, чтобы быть совершенно свободным?

Именно в этом смысл любви – по крайней мере, в присутствии одного человека мы можем быть совершенно голыми. Мы знаем, что он любит, поэтому он поймет. Мы знаем, что

он любит, поэтому страх исчезает. Человек может открыть все. Человек может открыть все двери, человек может пригласить другого войти. Человек может начать участвовать в существовании другого.

Любовь это соучастие, поэтому, по крайней мере с любимыми, не будь ненастоящим. Я не говорю идти на рынок и быть настоящим, потому что прямо сейчас это создаст ненужные проблемы. Но начни с любимого, потом с семьи, потом с людьми, которые менее близки. Мало-помалу ты узнаешь, что быть настоящим так красиво, что будешь готов потерять ради этого все. Тогда на рынке... – тогда истина просто станет твоим образом жизни. Алфавит любви, доверия нужно выучить с теми, кто очень близок, потому что они поймут.

Научись языку молчания

Вы всегда остаетесь лишь слегка связанными, и когда ты с кем-то формально связан, ты можешь продолжать болтать о тысяче и одной несущественной вещи, потому что ничто не важно – это только развлечение.

Но когда ты начинаешь к кому-то приближаться, и возникает близость, тогда даже одно-единственное слово, которое ты произносишь, имеет значение. Тогда ты не можешь так легко играть словами, потому что теперь все осмысленно. Теперь будут промежутки молчания. Поначалу человеку

неловко, потому что он не привык к молчанию. Он думает, что что-то нужно сказать, иначе что подумает другой?

Когда вы становитесь ближе, когда есть любовь, приходит молчание, и сказать нечего. Фактически, сказать нечего – ничего нет. С незнакомцем сказать можно так много; с друзьями сказать нечего. И молчание становится тяжелым, потому что ты к нему не привык.

Ты не знаешь, какая это музыка – молчание. Ты знаешь только способ общения, который вербален, из ума. Ты не знаешь, как общаться из сердца, от сердца к сердцу, в молчании. Ты не знаешь, как общаться, просто оставаясь рядом, из присутствия. Ты растешь, и старые образцы общения оказываются недостаточными. Тебе придется выработать новые образцы общения, невербальные. Чем более ты становишься зрелым, тем более нужно невербальное общение.

Язык нужен потому, что мы не умеем общаться. Когда мы умеем общаться, мало-помалу язык становится ненужным. Язык это только средство общения начальной школы. Настоящее средство общения – молчание. Поэтому не принимай неверного подхода, иначе ты перестанешь расти. Ничто не теряется, когда язык начинает исчезать; это неверная идея. Что-то новое вошло в существо, и старого образца недостаточно, чтобы это содержать. Ты растешь, и твоя одежда оказывается тебе мала. Это не что-то потерянное; с каждым днем ты что-то обретаешь.

Чем больше ты медитируешь, тем больше будешь любить

и тем больше общаться. И, в конце концов, приходит мгновение, когда помогает только молчание. В следующий раз, когда ты с кем-то общаешься, и в этом нет слов, ты не чувствуешь себя неловко, ты счастлив. Стань молчаливым и позволь этому молчанию общаться.

Язык нужен, чтобы общаться с людьми, с которыми нет любовной связи. Не-язык нужен с людьми, с которыми есть любовная связь. Нужно снова стать невинным, как ребенок, и молчаливым. Будут жесты – иногда вы будете улыбаться и держаться за руки, а иногда просто останетесь в молчании, глядя друг другу в глаза, ничего не делая, просто существуя. Присутствия встречаются и сливаются, и что-то происходит, что знаете только вы. Только вы, с кем это случилось – никто больше не узнает, потому что это происходит так глубоко.

Наслаждайтесь этим молчанием; почувствуйте его вкус и смакуйте его. Вскоре вы увидите, что у него есть собственные пути общения; что оно больше, выше и дальше; оно глубже. И это общение священно; в нем есть чистота.

Четыре ловушки

Люди боятся великой музыки, люди боятся великой поэзии, люди боятся глубокой близости. Любовные романы людей – это просто игра в «Ударь-И-Убеги». Они не идут глубоко в существо друг друга, потому что идти глубоко в существо друг друга страшно – водоем существования другого отражает тебя самого. В этом водоеме, в зеркале существования другого, если ты не найдешь себя – если зеркало останется пустым, если оно ничего не отражает – что тогда?

Привычка реагировать

Реакция приходит из прошлого, отклик – из настоящего. Ты реагируешь из прошлых образцов. Кто-то тебя оскорбляет, и внезапно начинает действовать старый механизм. В прошлом люди тебя оскорбляли, и ты вел себя определенным образом; теперь ты снова ведешь себя так же. Ты не откликаешься на это оскорбление и на этого человека, ты просто повторяешь старую привычку. Ты не посмотрел на этого человека и его оскорбление, – теперь у него новый аромат, – ты просто действовал как робот. У тебя внутри есть определенный механизм, ты нажимаешь на кнопку, ты говоришь: «Этот человек меня оскорбил» и реагируешь. Это не реакция на реальную ситуацию, это нечто спроецированное. Ты

увидел в этом человеке прошлое.

Это случилось:

Будда сидел под деревом и говорил с учениками. К нему подошел человек и плюнул ему в лицо. Он вытер плевков и спросил этого человека:

– Еще что-нибудь? Ты еще что-нибудь хочешь сказать?

Этот человек был немного озадачен, потому что он сам никогда не ожидал, что если на кого-то плюнуть, он сможет спросить: «Еще что-нибудь?» У него не было в прошлом такого опыта. Он оскорблял людей, и они приходили в гнев и реагировали. Или, если они были трусами и слабаками, они улыбались, пытаясь подкупить этого человека. Но Будда был ни тем, ни другим, он ни в каком смысле не оскорбился и не струсил. Но просто, по-деловому, он сказал: «Еще что-нибудь?» С его стороны не было никакой реакции.

Ученики Будды разгневались, стали реагировать. Его ближайший ученик, Ананда, сказал:

– Это уже слишком, мы не можем этого потерпеть. Держи свое учение при себе, а мы покажем этому человеку, что так поступать нельзя. Он должен быть за это наказан. Иначе все начнут вести себя так же.

Будда сказал:

– Молчи. Он не обидел меня, но теперь меня обижаешь *ты*. Он новичок, он незнакомец. И, может быть, он что-то от кого-то обо мне услышал и сформировал какое-то представление, понятие обо мне. Он плюнул не на меня, он плюнул на

свое понятие, свое представление обо мне – потому что он совершенно меня не знает, как он может плюнуть на меня? Наверное, он что-то слышал обо мне от людей: «этот человек атеист, опасный человек, который сбивает людей с толку, революционер, развратитель». Наверное, он что-то обо мне услышал и сформировал понятие, представление. Он плюнул на свою собственную идею.

– Если ты глубоко это обдумаешь, – сказал Будда, – он плюнул на свой собственный ум. Я не часть этого, и я вижу, что этот бедняга, наверное, хочет еще что-то сказать, потому что это способ что-то сказать, плевков это способ что-то сказать. Есть мгновения, когда ты чувствуешь, что язык бессилен – в глубокой любви, в интенсивном гневе, в ненависти, в молитве. Есть интенсивные мгновения, когда язык бессилен – тогда ты должен что-то сделать. Когда ты в глубокой любви, и ты целуешь или обнимаешь человека, что ты делаешь? Ты что-то говоришь. Когда ты в гневе, в интенсивном гневе, и ударяешь человека, плюешь на него, ты этим что-то говоришь. Я могу его понять. Наверное, он хочет сказать что-то еще; именно поэтому я спрашиваю: «Еще что-нибудь?»

Этот человек был еще более сбит с толку! И Будда сказал своим ученикам:

– Вы оскорбили меня больше, потому что вы знаете меня, прожили со мной столько лет, и все же реагируете.

Озадаченный, в замешательстве, этот человек вернулся домой. Он не мог спать всю ночь. Это трудно; если ты ви-

дишь Будду, трудно спать так же, что и раньше... невозможно. Снова и снова его преследовал этот опыт. Он не мог себе объяснить, что произошло. Он весь дрожал, он покрывался испариной. Он никогда не встречал такого человека; он разбил весь его ум и весь его образец, все его прошлое.

На следующее утро он вернулся. Он бросился к ногам Будды. Будда снова спросил его:

– Еще что-нибудь? Это тоже способ сказать что-то, что нельзя выразить языком. Когда ты приходишь и касаешься моих ног, ты говоришь что-то, что нельзя выразить обычными словами, для чего слова слишком узки, чтобы это могло в них содержаться.

Будда сказал:

– Смотри, Ананда, этот человек снова здесь, он что-то говорит. Это человек глубоких чувств.

Этот человек посмотрел на Будду и сказал:

– Прости меня за то, что я сделал вчера.

Будда сказал:

– Простить? Но я не тот человек, с которым ты это сделал. Ганг продолжает течь, он никогда больше не прежний Ганг. Каждый человек это река. Человека, на которого ты плюнул, больше нет – я выгляжу как он, но я не тот же, столько случилось за двадцать четыре часа! Столько воды утекло в реке. И я не могу тебя простить, потому что у меня нет против тебя обиды.

И ты тоже новый. Я вижу, что ты не тот же человек, кото-

рый пришел вчера, потому что тот человек был гневным – он был гневом! Он плюнул, а ты склоняешься к моим ногам, касаешься моих ног – как ты можешь быть тем же самым человеком? Ты не тот же человек, поэтому давай забудем об этом. Те два человека – человек, который плюнул, и человек, на которого плюнули – ни одного из них больше нет. Давай поговорим о чем-то другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.